

ДЖОРДЖ ВАН ФРЕКЕМ

ГИТЛЕР И ЕГО БОГ. ЗА
КУЛИСАМИ ФЕНОМЕНА
ГИТЛЕРА

Джордж Фрекем

**Гитлер и его бог. За
кулисами феномена Гитлера**

«Адити»

2014

Фрекем Д. в.

Гитлер и его бог. За кулисами феномена Гитлера / Д. в. Фрекем — «Адити», 2014

О Гитлере написаны тысячи книг, но он по-прежнему остается загадкой. Как могло случиться, что человек, который был никому неизвестным, одиноким фронтовиком без будущего, через несколько лет оказался Вождем и Мессией немецкого народа? Как могло такое ничтожество развязать самую разрушительную и убийственную войну в истории человечества? Джордж ван Фрекем пришел к заключению: в случае Гитлера должна была существовать причина, соразмерная с последствиями его действий – он был одержим «богом», неким существом, вдохновлявшим и направлявшим его, приведшим его к власти и в конце концов покинувшим его, когда тот стал не нужен. И в этой связи автор раскрывает совершенно неожиданную роль индийского философа и йогина Шри Ауробиндо в борьбе против Гитлера накануне и в ходе Второй мировой войны.

© Фрекем Д. в., 2014

© Адити, 2014

Содержание

Часть первая	6
1. Превращение	6
2. Магистры	15
3. Ментор	27
4. Волк	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джордж ван Фрекем ГИТЛЕР и его бог. За кулисами феномена Гитлера

Моей истинной семье посвящаю Дж.в.Ф.

Те края населял одержимый народ.
Демоническая сила, таящаяся в глубинах человека,
Которая тяжело вздыхает, подавленная
человеческим законом сердца,
Устрашена спокойными властными очами Мысли,
Может в пожаре и землетрясении души
Восстать и, взывая к своей родной ночи,
Свергнуть разум, захватить жизнь
И впечатать свое копыто в содрогающуюся землю Природы...

Шри Ауробиндо, «Савитри»

Кто из обитателей ангельских миров услышит меня, если я закричу? И если один из них неожиданно коснется моего сердца, я погибну, раздавленный его присутствием. Ибо Красота – это лишь рассвет наступающего Ужаса, она едва переносима. И мы так почитаем ее потому, что, бесстрастная, она с презрением отталкивает нас в небытие. Каждый ангел ужасен.

Райнер Мария Рильке, «Дуинские элегии»

Владения исчезают, кланы исчезают;
И ты умрешь, как они.
Одно лишь, знаю я, пребудет вечно:
Слава и деяния мертвых.

«Хавамала», древняя нордическая сага

Часть первая

Гитлер становится фюрером

1. Превращение

*«Я гарантирую вам, господа, что невозможное всегда побеждает.
И чем невозможнее, тем вернее».*

Адольф Гитлер

Капрал смотрит на мышей

Капрал проснулся ранним утром; дневная рутина еще не началась. Заняться было нечем, и он развлекался, швыряя кусочки хлеба мышам, частым посетителям его каморки, наблюдая за их играми и возней. Первая мировая война, так называемая «Великая война», закончилась, и будущее капрала, не сохранившего связей ни с родственниками, ни с друзьями, выглядело весьма мрачно.

Он вернулся с фронта, но не с нескончаемыми толпами солдат, не с серыми усталыми колоннами, несущими в складках своих шинелей запахи грязи, пороха и разлагающейся плоти. Дело в том, что незадолго до перемирия его ослепило в газовой атаке неподалеку от Вервика, на франко-бельгийской границе, и его перевезли на север, в Померанию, в военный госпиталь в Пазевалке. Известие о том, что 11 ноября 1918 года боевые действия были прекращены и Германия проиграла войну, что кайзер Вильгельм и немецкие принцы отреклись от престола и провозглашена Германская республика, повергло его в отчаяние. Теперь он ожидал демобилизации в мюнхенских бараках, где ютились остатки его полка.

По рождению он был австрийцем. В августе 1914 года, будучи гражданином Австрии, Адольф Гитлер все же сумел попасть в резервный Баварский пехотный полк, носивший название «полк Листа». С первых недель войны и до ее последних дней, полные четыре года, он служил там с честью. Будучи вестовым при штабе полка, то есть, пользуясь его собственным выражением, *Gefechtsmeldegänger* (связным на поле боя), он принял участие во множестве кровавых сражений во Франции и в Бельгии. Не раз он лишь чудом избегал смерти. Был награжден Железным крестом первой степени за храбрость. «Ни у кого из тех, кто знал [Гитлера] близко, не было сомнений в его храбрости», – свидетельствовал позже полковой адъютант. «На поле боя он зарекомендовал себя храбрым, надежным вестовым, без всякого сомнения, достойным Железного креста первой степени. Еще до вручения этой награды его несколько раз представляли к ней. Это был тот самый неизвестный солдат, скромно и достойно исполнявший свой долг»¹. Как позже отметит сам Гитлер, война стала «самым незабываемым, самым грандиозным переживанием ранних лет его жизни». Он был «безумно счастлив быть солдатом»². Теперь ему двадцать девять. Что станет с ним? У него нет ни перспектив, ни будущего. И он всеми силами цепляется за армию, оттягивая демобилизацию, ведь здесь у него есть койка и кусок хлеба. Предоставленный себе, он, вероятнее всего, скатился бы вниз, перебиваясь продажей акварелей с изображениями зданий и памятников, в бесплодных мечтах о будущем великого архитектора. Именно этим он и занимался в Мюнхене до войны, равно как и в Вене, где жил

---

¹ Все переводы неанглоязычных текстов сделаны автором с оригиналов.

как бродяга. «Он всегда выглядел таким изголодавшимся», – вспоминают его знакомые по тем временам.

В скором времени ему придется надеть гражданскую одежду. Героев войны вокруг хоть пруд пруди. Никто не обращает внимания на колонны вооруженных оборванных солдат, в глазах которых отражаются невыразимый ужас и смерть, – солдат, оказавшихся в гражданском мире, который они уже не узнают, который они глубоко презирают. Положение с продовольствием в Германии оставалось очень серьезным. Никому не было дела до голодающих. И все же несколькими крошками можно было поделиться с мышами. «Так как я обычно просыпался до пяти утра, – пишет Гитлер в “Майн Кампф”, – у меня вошло в привычку бросать на пол объедки и хлебные корки мышам, которые резвились в моей комнате. Я наблюдал, как эти смешные маленькие твари гоняются друг за другом ради нескольких вожделенных кусочков. В своей жизни я пережил столько бедности и голода, что мне было легко представить себе голод, а значит, и радость этих маленьких созданий»³.

Но поглядите-ка... прошло не так уж много лет, и перед нами тот же самый Адольф Гитлер, триумфально стоящий на балконе рейхсканцелярии в Берлине, – его приветствуют тысячи немецких граждан! А затем он же, с Железным крестом первой степени на груди, одиноко возвышается над стройными колоннами одетых в униформу немцев на Цеппелинских полях в Нюрнберге. Они славят его, они его обожают. Это их вождь, их фюрер и даже мессия. Он пришел с тем, чтобы вернуть им величие, поднять их на неслыханные вершины истории, сделать их властителями мира. *Deutschland über alles, über alles in der Welt* (Германия превыше всего, превыше всего в мире). Бывший капрал без будущего стал «вождем нации, главнокомандующим вооруженными силами, главой правительства, высшим руководителем, верховным судьей и вождем партии (НСДАП)»⁴.

Он не просто стал господином жизни и смерти в стране, которой правил. Его воля стала законом, а слова почитались высшей истиной. В итоге он «перекроил карту Европы, разрушил империю, способствовал появлению новых великих сил, вызвал революции и привел к концу колониальную эру»⁵. «Человек ниоткуда» объединил Австрию с Германией и вошел завоевателем в Прагу, Варшаву и Париж. Он завоевывал, поработал и убивал и намеревался и дальше завоевывать, поработать и убивать.

Как это могло произойти? Как вышло так, что бывший австрийский капрал, которого сравнивали с изможденной бродячей собакой, достиг таких высот власти, что Иоахим Фест смог написать: «Если бы Гитлер пал жертвой заговора или несчастного случая в 1938 году, сейчас его, не колеблясь, называли бы величайшим канцлером, которого знала Германия, венцом немецкой истории»⁶?

О Гитлере и о нацистской Германии написаны целые библиотеки, однако немало историков, из самых читаемых и известных, по-прежнему считают его загадкой. «Чем больше материалов находится в нашем распоряжении, чем дальше отстоим мы от этих событий, тем загадочнее выглядит Гитлер», – пишет Христиан фон Кроков⁷. Алан Буллок, автор таких работ, как «Гитлер – исследование тирании» и «Гитлер и Сталин – параллельные жизни», в одной из бесед признался: «Чем больше я узнаю о нем, тем труднее мне объяснить Гитлера... Я не способен объяснить его. И я не думаю, что это способен сделать кто-то еще»⁸. Для Тревор-Ропера «Гитлер и через пятьдесят лет остается пугающей загадкой»⁹.

«Однажды, несмотря на полностью враждебное окружение, я выбрал свой путь, – говорил Адольф Гитлер, – и, безвестный и безымянный, я шел по нему, пока, в конце концов, не добился успеха. Я, кого часто провозглашали несуществующим, кому всегда желали исчезновения, в конце концов оказался победителем»¹⁰.

Должен существовать некий период времени, в течение которого произошло «превращение Гитлера в Гитлера», когда ничтожество преобразилось в провидца и политика, способного в самое короткое время совершить то, что казалось невозможным: уничтожить унижительный Версальский договор, поставить на ноги падшую, отчаявшуюся Германию, объединить страну, превратив ее в военную машину, способную осуществлять его маниакальные, преступные цели, явные и тайные. Должен был существовать некий источник силы, поддерживавшей этого человека без корней, осыпаемого насмешками и постоянно недооцениваемого, источник энергии, необходимой для создания мощной и безжалостной политической партии, источник, вдохновлявший его в самые критические моменты, заставляя подниматься над теми, кто был выше его как в Германии, так и за ее пределами. Должен существовать источник зла, который, используя Гитлера, пытался разрушить человечество, отбросив его к варварскому состоянию, оставшемуся, казалось бы, в далеком прошлом.

Германию лихорадит

Когда слышат слово «каста», его обычно ассоциируют исключительно с древней Индией. При этом не замечают, до какой степени кастовая структура определяла и все еще продолжает определять порядок существующих на Западе социальных отношений. В Средние века – не так уж и давно – каста была фактом самой жизни. Существовала католическая церковь со своим духовенством (*брахманы*); затем шла знать и феодальная иерархия (*киштриш*); затем – развивавшийся и очень активный класс торговцев (*вайшьи*); на последнем же месте – по счету и по важности – стоял класс рабочих (*шудры*). Главным образом, это были бесправные крестьяне, к которым относились как к домашнему скоту и прочей собственности.

Возрождение поставило под сомнение эту социальную пирамиду. Вместе с ней оказался под вопросом весь жизненный уклад и само мировоззрение Запада. Вдохновленное идеалами Возрождения – а среди этих идеалов была и идея равноправия всех людей, – «третье сословие», то есть торговцы или буржуа, стало проникаться сознанием собственной значимости. Революцией этого третьего сословия станет Великая французская революция. Чтобы как следует закрепить в обществе эти новые идеи, за революцией 1789 года должны будут последовать новые революции девятнадцатого века. Этот век станет веком торжества буржуазии, материализма, либерализма, прогресса и разума. Революции, шедшие за Великой – а именно революции 1830, 1848 и 1870 годов, – были необходимы для того, чтобы сломить сопротивление со стороны знати и духовенства, боровшихся за выживание, а также для преодоления обычной инертности, свойственной всякому человеческому существу.

Но как же быть с «четвертым сословием», классом трудящихся, рабочих, крестьян, слуг всякого рода? Они ведь тоже люди, а значит, заслуживают равных с другими людьми прав. Параллельно с Французской разворачивалась другая революция, которую также никто не предвидел заранее, – революция индустриальная. В ее ходе возрастала роль класса рабочих, *шудр*, – ведь именно они были силой, делавшей возможным это гигантское развитие индустрии. Бросая опустылевшую крестьянскую долю, от плуга и коров люди шли в города. Они ожидали найти там рай, но оказывались в еще худшем аду. Они превращались в «пролетариат». И лишь слепой мог не видеть того, что рано или поздно эти люди восстанут и потребуют равноправия от тех, кто так долго использовал их и издевался над ними.

После подготовки и накопления сил – что заняло почти столетие – с русской революцией 1917 года пролетариат решительно вышел на сцену истории. Верховное командование германской армии, которое к тому времени практически правило страной, поддержало русских революционеров в надежде, что переворот приведет к крушению царской России, решит все проблемы на восточном фронте и позволит ему нанести решительный удар по союзникам на западе. Этот план едва не увенчался успехом. Германское «весеннее наступление» 1918 года

– а его сделало возможным мирное соглашение с русским революционным правительством в Брест-Литовске – прорвало оборону противника. Париж вновь оказался под угрозой. Немцы опьянялись предстоящей победой. Но союзники оправались – отчасти этому помогли свежие войска вступивших в войну Соединенных Штатов. Восьмого августа, ставшего «черным днем» для Германии, Гинденбург и Людендорф, фактические военные правители страны, поняли, что поражение неизбежно. Они доложили об этом кайзеру.

Все это напрямую касается нашей истории. Германский пролетариат составлял значительную часть населения страны. Его интересы выражали Социалистическая партия Германии и более радикальная марксистская Независимая социалистическая партия Германии (которую вскоре переименуют в Коммунистическую партию Германии). Как раз перед войной, на выборах 1912 года, Социалистическая партия Германии получила большинство. Это вызвало беспокойство и страх в традиционных высших классах, которые очень хорошо осознавали свой социальный статус, другими словами – обладали классовым сознанием. Рабочие, по их мнению, должны находиться уровнем ниже, а не рядом и уж тем более никак не выше. Им не место в правительстве или администрации. Германия так и не прониклась идеалами Возрождения – она осталась прусским автократическим и иерархически организованным обществом, где низшие ждали указаний от высших, а высшие с презрением поглядывали вниз.

Но война потрясла устои, казавшиеся незыблемыми. Немцы поняли, что Русская революция непосредственно угрожает их существованию. Разве не говорили марксисты, что Германия, страна с самым развитым и многочисленным пролетариатом, лучше других готова к великой пролетарской революции? Разве российские большевики не делали все возможное, чтобы поджечь фитиль революции в других странах – прежде всего в Германии? В Берлин, Гамбург, Лейпциг и Мюнхен прибывали толпы беженцев из России. Каждый рассказывал ужасы о красных, каждый стремился предостеречь. Вместе с ними внедрялись и большевистские агенты, управляемые Третьим Интернационалом. Германским марксистам они казались героями, осуществившими исторический подвиг, которому суждено изменить мир.

Традиционные классы Германии – высший и средний – в последние месяцы 1918 года стали оголтелыми националистами. Их одурачила пропаганда Верховного командования и собственные предрассудки. Об аде, царившем на поле боя, они знали понаслышке. Великое множество молодых людей уже никогда не вернется домой; еды все меньше, ее все труднее достать, а напряжение войны выносить все сложнее – все это подрывало порядок вещей, еще недавно казавшийся нерушимым. Левые силы, которых социальные барьеры уже не сдерживали, а события в России будоражили, в конце октября – начале ноября 1918 года объявили всеобщую забастовку.

Тогда произошел Мюнхенский переворот: Курт Эйснер, журналист, еврей, 7 ноября провозгласил Баварию социалистической республикой. В тот же день король Баварии Людвиг III Виттельсбах отрекся от престола – первым из восемнадцати владетельных принцев Германии. (Кайзер Вильгельм II последует его примеру 9 ноября. Дело в том, что американский президент Вудро Вильсон включил в условия мирного соглашения пункт, согласно которому все авторитарные и военные структуры и организации Германии должны быть ликвидированы.) Эйснер, бородатый интеллигент, не походил на революционера и не был фанатиком. Он был пацифистом, социалистом идеалистически-гуманистического склада. Его влек вперед энтузиазм товарищей, усталость от войны многих его сограждан, пусть мыслящих по-иному, но одинаково голодных. Баварией стал управлять Совет рабочих, солдат и крестьян, не имевших никакого опыта. В этих тяжелых условиях им пришлось изобретать систему управления самим. Меньше всего опыта было у самого Эйснера. Вскоре он доказал это на социалистическом конгрессе в Берне, где публично обвинил Германию в развязывании войны. Этим он подписал себе смертный приговор.

Изможденный бродячий пес

Именно в такой Мюнхен 21 декабря 1918 года прибыл выписанный из госпиталя в Пазевалке капрал Гитлер. Его направили в резервный батальон второго пехотного полка – батальон, подлежащий немедленной демобилизации. Но именно демобилизации Гитлер старался всеми силами избежать, ибо, как мы уже видели, он «стоял перед пропастью»¹¹. Он сумел устроить так, что его перевели в лагерь военнопленных в Траунштайне, между Мюнхеном и Зальцбургом, охранять русских и французов, которых вот-вот должны были отправить домой. В конце января 1919 года Гитлер опять оказался в Мюнхене в составе военной охраны Центральной железнодорожной станции.

Его избирают *Vertrauensmann*, то есть представителем нижних чинов своего батальона. Это неудивительно, принимая во внимание его послужной список, а также проявлявшуюся порой способность произносить зажигательные речи – если его к тому подтолкнут, – что свидетельствовало об определенном уровне интеллектуальной одаренности. Но это избрание одновременно и поразительно: армейский гарнизон Мюнхена управлялся эйснеровскими социалистами, а значит, Гитлер хорошо ладил с левыми силами, что диаметрально противоречит его более поздним убеждениям. Он даже вошел в секцию пропаганды при солдатском совете, а когда 21 февраля Курт Эйснер был убит, депутат Гитлер был одним из сотен тысяч скорбящих, сопровождавших прах еврейского премьер-министра на кладбище¹².

«Практически со стопроцентной вероятностью можно утверждать, что до мая 1919 года Гитлер был на стороне народа [то есть социалистов]. Он лгал, когда утверждал впоследствии, что “уже в ноябре 1918 года понял, что это бесчестные люди”»¹³. Многих исследователей жизни Гитлера эти недавние открытия поразили. Они принимали на веру его собственные утверждения в «Майн Кампф» о том, что «гранитный фундамент» его мировоззрения был выстроен еще в венские годы (между 1907 и 1913 годами). Однако Бригитта Хаман и другие исследователи, шедшие по ее стопам, показали, «как мало в “Майн Кампф” от биографии и как много от политической пропаганды»¹⁴. В начале 1919 года капрал Гитлер сделал бы что угодно, лишь бы остаться в армии – больше идти ему было некуда.

«После Первой мировой он был одним из многих тысяч бывших солдат, бродивших по улицам в поисках работы... В то время Гитлер стал бы работать на любого, кто сжалился бы над ним. У работодателя-еврея он работал бы с тем же рвением, что и у арийца», – вспоминал позже некий Майр, капитан в отставке. «Когда я встретил его впервые, он был похож на изможденного бродячего пса, ищущего хозяина»¹⁵. Об этих словах Майр еще пожалеет.

Русская революция совершилась в две стадии. Первая, мягкая, в феврале 1917 года была революцией меньшевиков во главе с Александром Керенским. Вторая – в октябре того же года – началась с решительного захвата власти большевиками во главе с Лениным. Эту последовательность событий опробовали и в Германии. Радикальные спартаковцы во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург попытались сместить правительство социалистов. Но эта попытка была подавлена с помощью *Freikorps* (добровольческого корпуса). Этот добровольческий корпус состоял из независимых ультраправых вооруженных формирований, состоявших, главным образом, из ветеранов войны под командованием харизматических офицеров с замашками кондотьеров². И все же в Мюнхене, столице Баварии, коммунистам удалось отобрать власть у эйснеровских социалистов, правда, лишь ненадолго. 7 апреля была провозглашена «диктатура пролетариата» и создано правительство Советов рабочих и солдат, по

² Кондотьер – во времена итальянского возрождения глава отряда наемных солдат, предлагавший свои услуги враждующим государствам. – *Прим. пер.*

примеру «советов» в России. Красная Армия, под руководством двадцатитрехлетнего моряка должна была стать силовой опорой этого правительства в его работе по превращению германского общества в пролетарский рай.

Нужно иметь в виду, что положение Германии в те ранние послевоенные годы было крайне бедственным. Все способствовало умственному и физическому хаосу: шок от неожиданного поражения, тысячи безработных солдат, бесцельно слонявшихся повсюду, новый социал-демократический режим, который называли «системой» и считали чуждым телу «истинной» Германии. Этот режим ненавидели с самого начала, чему в значительной степени способствовал постоянный голод, вызванный непрекращавшейся блокадой союзников. Эйсер с его политиками-любителями был не в состоянии справиться с этим хаосом. Это оказалось не по плечу и руководителям коммунистам. Поначалу их забавляла возможность устрашать и обкрадывать духовенство, богачей, мелкую буржуазию и всех тех, кто считался врагами народа. Но вскоре многочисленные ошибки Советов привели к такому хаосу, что их падение стало лишь вопросом времени. Рейхсвер³, при поддержке нескольких подразделений *Freikorps*, без труда нанес им поражение. К 3 мая последние очаги сопротивления красных были подавлены.

Эта практическая демонстрация «диктатуры пролетариата» до такой степени усилила ужас перед коммунизмом, его отрицание во всех формах, в том числе и в левых движениях, что католическая Бавария стала прибежищем всех правых фракций, идеологий, группировок и частных лиц. Более того – и это немаловажно, – Бавария никогда не забудет, что некоторые наиболее активные деятели красных Советов, равно как и социалист Эйсер, были евреями. Именно по приказу этих евреев были убиты заложники-националисты. Тогда большинство считало, что все руководство Российской революции, включая Ленина, полностью состоит из евреев (что не соответствовало действительности), что недолговечную марксистскую революцию в Венгрии начал еврей Бела Кун, что евреи Роза Люксембург, Лео Йогихес и другие разожгли спартаковское восстание и что марксистские революции того и гляди начнутся по всей Германии. Чем сильнее подводило живот, тем больше пищи для себя находил традиционный немецкий антисемитизм.

Открытие капитана Майра

После уничтожения Мюнхенской Республики Советов в городе появился офицер, сыгравший важную роль в «сотворении» Адольфа Гитлера, – штабной капитан Карл Майр. Правительство в Берлине и Верховное главнокомандование поставило себе целью выбить из голов солдат все ошибочные левые идеи и заменить их верными – патриотическими и националистическими. Для этого в Четвертом военном округе, который охватывал собой всю Баварию (во главе его стоял могущественный генерал фон Мёхль), была создана «информационная служба», которая в действительности являлась отделом разведки и пропаганды. Руководителем секции пропаганды был назначен капитан Майр.

Майр, «радикально правый до мозга костей», был «амбициозным, умным, талантливым организатором, вовлеченным в политические игры». Он также был противником Веймарской республики и антисемитом¹⁶. По всей видимости, он был связан с самыми влиятельными центрами германского общества. Невероятно деятельный, бурлящий идеями и начинаниями, он был гораздо более влиятелен, чем можно было бы предположить исходя из его скромного звания и должности. Он не только был вхож в высшие круги германской армии через генерала фон Мёхля, но и напрямую был связан с Пангерманским союзом и с *Germanenorden*, двумя организациями, с которыми мы встретимся позже.

---

³ Так называлась германская армия после Версальского договора. – Прим. пер.

Вскоре капрал Гитлер заинтересовал Майра. Гитлера выбирали представителем от батальона не только при режиме социалистов, он также был «депутатом» при власти коммунистических солдатских Советов. Однако после того, как Республика Советов была раздавлена, он вновь развернулся на сто восемьдесят градусов и вошел в состав следственной комиссии, которая должна была представить сведения о патриотической преданности солдат его батальона при недолговечном коммунистическом режиме – том самом, с которым он сам все это время мирился! Нет сомнений, он всегда чувствовал, откуда дует ветер, и делал все, чтобы остаться в армии. Но нельзя отрицать, что у своих товарищей по оружию он пользовался уважением. У Гитлера был хорошо подвешен язык, и капитан Майр внес его имя в списки слушателей «ораторских курсов» для армейских пропагандистов, проводившихся с 5 по 12 июня 1919 года в Мюнхенском университете.

На курсах лекции читали заслуженные ученые и профессора, такие как Карл Александр фон Мюллер, Карл фон Ботмер и Михаэль Хорлакер. Они рассказывали о «политической истории войны», «теории и практике социализма», «ситуации в нашем сельском хозяйстве и условиях мирного договора», а также о «взаимоотношении внутренней и внешней политики»¹⁷. Именно здесь Гитлер впервые смог услышать образованных интеллектуалов, говорящих на интересующие его темы. Именно здесь он выучился соединять разрозненные точки зрения в единое целое, получая некое подобие связного мировоззрения. Общее направление лекций, разумеется, было социал-демократическим, так как социал-демократы были у власти, но более глубокая струя была, несомненно, националистической, пангерманской и антисемитской.

Безусловно, ум тридцатилетнего Гитлера не был чистым листом. В дни своей молодости в Австрии он впитал пангерманские идеи своего отца, мысли своего учителя истории Леопольда Пётча, а также идеи Георга фон Шёнерера. Сам воздух тех мест был словно пропитан антисемитизмом. Помимо этого молодой Гитлер всегда интересовался политикой – главным образом для того, чтобы выразить свой протест происходящему. В Вене он посещал заседания австрийского Парламента, жадно читал газеты в кафе, а также проглатывал любые попадавшиеся ему памфлеты или трактаты. Физическое присутствие и ораторское искусство почтенных ученых и профессоров произвело на него глубокое впечатление и дало ему возможность увязать между собой множество разрозненных мнений, поместив их в более широкий контекст.

После лекций проходили собрания дискуссионных групп. Здесь Гитлер чувствовал себя как рыба в воде. Он всегда был готов пуститься в нескончаемый монолог, был бы только повод. Он обрушивал на слушателя потоки слов, словно обращаясь к огромной толпе. Август Кубицек, один из самых близких его друзей по Вене и Линцу, в своих воспоминаниях сообщает о частых ораторских вспышках Адольфа, а многие товарищи Гитлера по окопам или по ночлежке рассказывают, как легко было подбить его на гневную диатрибу⁴ – достаточно было высказать что-то противоречащее его мнениям. Теперь же Гитлер мог опробовать свои новоприобретенные знания в дискуссионных группах. Речи уже не были его личной причудой, они стали его прямой обязанностью – обязанностью армейского пропагандиста, преобразовывающего ложно мыслящих леваков в верно мыслящих правых германских патриотов.

К. А. фон Мюллер рассказывает, как после одной из своих лекций он заметил группу, «зачарованно слушающую человека, стоящего в центре. У него был необычайно резкий голос, и он обращался к ним с нарастающей страстностью. У меня было странное ощущение, что слушателей волновало то, что он говорил, и в свою очередь именно это волнение подстегивало его речь. Я увидел бледное худое лицо, окаймленное штатской челкой, короткие усики и поразительно большие, фанатично холодные бледно-голубые глаза»¹⁸. Когда же Мюллер указал на него капитану Майру, тот походя заметил: «А, это Гитлер из полка Листа».

---

⁴ Диатриба – резкая, желчная, придиричивая речь с нападками личного характера. – *Прим. ред.*

Гитлер стал ораторской звездой Майра. В середине августа его направили в лагерь Лехфельд, где содержались немецкие солдаты, которым промыли мозги в русском плену. Теперь, перед тем как выпустить их в гражданскую жизнь, надлежало развернуть их умы в противоположном направлении. При лагере было постоянное представительство «информационной службы» Майра, и заведовал ею унтер-офицер Рудольф Бейшлаг, опытный пропагандист, который стал здесь непосредственным начальником Гитлера. Темы лекций, в сущности, были теми же, что и на курсах повышения ораторского мастерства. Слушатели хвалили Гитлера, называя его «превосходным и страстным докладчиком», «выдающимся и темпераментным оратором»¹⁹. Именно на этот период ссылается сам Гитлер в «Майн Кампф» в известном пассаже, где он пишет: «Да, я мог говорить». Он имел в виду не способность формулировать свои мысли и выражать их в словах – он делал это бесчисленное количество раз в нескончаемых монологах со времен юности. Это означало, что он был способен увлекать за собой аудиторию – что окажет огромное влияние на его собственную судьбу и на будущее Германии.

Другим достойным внимания фактом является то, что именно во время своего пребывания в Лехфельде Гитлер впервые начинает атаковать евреев. Причем с таким напором, что начальству приходится его сдерживать – как бы оно с ним ни соглашалось, все же оно состояло на службе у социал-демократического правительства. Комендант лагеря в Лехфельде писал в управление округом: «А теперь о том, что касается прекрасной, ясной и темпераментной лекции капрала Гитлера о капитализме, который в этой связи коснулся еврейского вопроса... Несмотря на то, что еврейская проблема была представлена [Гитлером] очень хорошо и он особо подчеркнул германскую позицию, все же такого рода дискуссии легко могут дать евреям повод навесить на эти лекции ярлык антисемитской пропаганды. В связи с этим я считаю необходимым указать, что при обсуждении этой проблемы нужно быть исключительно осторожным и что всякие явные упоминания о расе, чуждой германскому народу, должны быть по возможности исключены»²⁰.

Хотя антисемитизм издавна являлся частью немецкой ментальности, эта тема на лекциях в Мюнхенском университете не затрагивалась. Более того, Бригитта Хаман показала, что Гитлер даже в свои венские годы не был активным и сознательным антисемитом – он поддерживал дружеские отношения с евреями-соседями по ночлежке, а также с торговцами, помогавшими ему сбывать акварели. В таком случае где, когда и кто заразил его этими страстными антиеврейскими чувствами?

То, что к тому времени он стал считаться авторитетом по антисемитским вопросам, документально зафиксировано небольшим письмом капитана Майра от 10 сентября 1919 года. В этом письме он просит Гитлера ответить на вопрос, заданный ему другим пропагандистом, его подчиненным Адольфом Глемихом. Вопрос был такой: «Каково отношение к евреям со стороны социал-демократического правительства? Подразумеваются ли в пункте «о равных правах» также и евреи, несмотря на то, что они составляют угрозу *Volkstum* [национальному характеру народа]?»²¹ Майр просит Гитлера ответить вместо него, причем обращается к своему подчиненному капралу *Sehr verehrter Herr Hitler*. Обычно это переводят «дорогой мистер Гитлер». Но тон немецкого выражения в действительности более почтителен, дословно оно переводится как «высокочтимый господин Гитлер». Немецкий ученый Иоахим Фест замечает, что «такое обращение капитана к капралу выглядит странно»²², а Вернер Мазер, также немец, пишет, что это обращение «необычайно уважительно».

Ответ Гитлера не только намекает нам на возможные источники его новообретенных мыслей, но и документально подтверждает, что к тому времени в его уме уже утвердилась структура, которая – в том, что касается евреев – останется основой, «гранитным фундаментом» его идеологии до последних дней жизни. Здесь и чуждость еврейского народа, и опасность, которую он несет. Здесь же он пишет, что евреи – это раса, а не религия; здесь также

можно найти утверждение о том, что в итоге целью борьбы с евреями должна быть их полная «ликвидация» – что бы этот термин ни значил для Гитлера в 1919 году²³.

Майр писал, что с июня 1919 года до сентября следующего года, то есть в течение пятнадцати месяцев, он ежедневно контактировал с Гитлером, который, действуя под влиянием присущих ему деспотических импульсов, уже отгеснил Бейшлага в тень. Он стал «частым гостем Военного министерства, считалось, что он входит в политическую команду Майра... Майр решил, что эту его находку можно использовать и для большего»²⁴. Действительно, 12 сентября 1919 года Гитлера послали в конференц-зал мюнхенской пивной для сбора информации о небольшой группе, походившей на масонскую ложу, которая там порой собиралась. Она называлась «Германская рабочая партия» (DAP).

То, что случилось дальше, – это, как говорится, уже история.

Уже сами даты говорят о многом. Уважительный запрос Майра отправлен 10 сентября, ответ Гитлера датируется 17 сентября; его первый контакт с DAP, партией, основанной обществом Туле, приходится на 12 сентября. Очевидно, что Гитлер за период с 6 июня, когда Майр мимоходом заметил: «А, это Гитлер из полка Листа», по сентябрь, когда капитан так уважительно обращается к своему подчиненному, далеко продвинулся по пути к своей цели. «Процесс [формирования гитлеровской идеологии] начинается в 1919 году, во всяком случае, лишь в этом году он становится видимым. Ни в одном более раннем документе нет ни малейшего намека на позднейшие концепции... Складывается такое впечатление, что [до 1919 года] Гитлер не интересовался политикой... Нет даже уверенности, что тогда он был антисемитом...» (Эберхард Йекель²⁵)

Очевидно, что именно в эти летние месяцы 1919 года в жизни Гитлера произошли большие перемены. Себастьян Хаффнер называет это время «необъяснимым белым пятном». Конрад Хайден пишет, что «в эти месяцы Гитлер преобразился», и гадает о «загадочных обстоятельствах, преобразивших его»²⁶. Джон Лукач считает так же: «1919 год – важнейшая веха или, точнее, поворотный пункт всей жизни [Гитлера]»²⁷. Ян Кершоу пишет, что «если бы капитан Майр не охотился за талантами, мы, возможно, никогда не услышали бы о Гитлере»²⁸. «Этот мюнхенский период дал Гитлеру ключ ко входу в политику»²⁹, – подтверждает Иоахим Фест. В конце концов, есть и признание самого Гитлера. В 1941 году в одной из бесед, невольно противореча неоднократным (ложным) утверждениям в «Майн Кампф», он проговаривается: «Моя программа была создана в 1919 году»³⁰. Под «программой» он подразумевал не партийную программу НСДАП, та была написана в 1920-м, он имел в виду основу собственного мышления, свою идеологию.

2. Магистры

*Люди из Туле положили свою жизнь за свастику первыми.
Герман Гилбхард*

«Вначале Гитлер обратился к членам Туле, и именно они первыми поддержали его»³¹, – писал Рудольф фон Зеботтендорф в книге «Еще до Гитлера», вышедшей в Германии в 1933 году сразу после того, как Гитлер стал канцлером. За много лет до этого – в 1917-м – Зеботтендорф основал в Мюнхене общество Туле. Он и был его Великим Магистром во времена красного правительства Эйснера и Республики Советов, до 1919 года. Затем он уехал из Германии и поселился в Турции. Зеботтендорф не мог непосредственно наблюдать процесс восхождения Гитлера к вершинам власти, что отчасти объясняет ту наивность или простоту, с которой он опубликовал свою книгу. Ему следовало бы знать, что Гитлер никогда не признавал заслуг своих прежних учителей, руководителей, помощников или начальников – за исключением Рихарда Вагнера и Дитриха Эккарта. Тем же, кто имел неосторожность напомнить ему о своей роли, затыкали рот, а порой их бросали в концентрационный лагерь. Но Зеботтендорфу повезло: Рудольф Гесс, бывший член Туле, стоящий теперь у вершин власти Третьего рейха, позаботился о своем бывшем Великом Магистре. Зеботтендорфа освободили под предлогом того, что воздух за пределами Германии будет полезнее для его здоровья.

Tule-Gesellschaft (общество Туле) было тайным обществом, которому уделяется большое, а порой и чрезмерное внимание в книгах об оккультной стороне нацизма. Возможно, именно поэтому до недавних пор историки академического направления старались обходить эту тему стороной. В результате сложилась ситуация, о которой пишет Петер Левенда: «Если послушать большинство историков, складывается впечатление, что *Tule-Gesellschaft* – это мелкая аберрация, аномалия, не заслуживающая серьезного рассмотрения»³². Однако объем значимых фактов, касающихся общества Туле, так велик, что в любой биографии Гитлера или истории нацизма для них должно найтись место, иначе мы упустим сведения об очень важном периоде в жизни Гитлера. И здесь необходимо подчеркнуть, что нижеследующие главы основаны на исторических фактах, а не на капризных полетах фантазии.

Австрийские провидцы

Около 1880 года в европейском сознании произошла любопытная перемена. Уже в начале XIX века завоевания Просвещения – и всего века Разума – были поставлены под сомнение движением романтиков. Теперь же на защиту прав эмоциональных составляющих человеческой природы встала новая мощная волна интуитивизма и витализма. Поначалу эта перемена проявилась в искусстве, главным образом, через импрессионистов с их «взрывом света». Затем на сцене культуры один за другим появились (упомянем лишь важнейшие фигуры первооткрывателей) Ницше, Фрейд, Бергсон и Пруст. Все они бросали вызов единовластию разума; человеческое существо пыталось вырваться из смиренной рубашки рационального ума. В результате, добившись свободы, человек, с одной стороны, почувствовал себя потерянным в новообретенном мире, с другой – у него закружилась голова от новых возможностей и перспектив. Именно в те времена целью человеческого развития провозглашалась то одна, то другая разновидность «сверхчеловека». «Переоценка всех ценностей» Ницше вызывала эйфорию и в то же время глубокий страх – казалось, исчезают самые привычные и надежные ориентиры.

В этом культурном перевороте, в ходе которого росло напряжение, в итоге приведшее к Первой мировой войне, важную роль играло Теософское общество, основанное в 1875 году

Е. П. Блаватской и Г. С. Олкоттом. Быстрое и широкое распространение теософии говорит о том, что она в чем-то отвечала глубоким и нереализованным потребностям человеческого существа. Действительно, человек сложнее, чем полагал Декарт и философские наследники картезианства: материалисты, позитивисты, сайентисты и редукционисты. Безусловно, в человеке присутствует телесная, материальная часть, но в нем есть и витальная составляющая со своими жизненными силами, есть и ментальная часть (которую Декарт считал эпифеноменом), а также душа. Теософия заимствовала на Востоке идею многослойной природы нашего существа, соответствующей космическим уровням бытия. Также она позаимствовала и идею о том, что история человечества уходит в прошлое куда дальше, чем тот неправдоподобно малый временной отрезок, который считается историей в современной академической науке. Идея реинкарнации придала краткой человеческой жизни некий новый смысл. Немаловажно и то, что теософия предложила новый, не антропоморфный образ Бога: все есть «Это» и с Этим можно войти в прямой контакт, даже стать Этим – ведь Оно вживую присутствует в глубине души человека.

«Истоки современного возрождения оккультизма в Германии [и Австрии] следует искать в теософии, популярной в англосаксонском мире в 1880-х годах», – пишет Николас Гудрик-Кларк³³. Он считал, что это возрождение проходило с 1880 по 1910 год, и заметил при этом, что «в Германии, по сравнению с другими европейскими странами, теософия оставила более глубокий след». Причиной было то, что в Германии оппозиция идеалам Просвещения была сильнее, так как развитие германского национального духа шло по особому пути. Германия словно осталась на периферии культурных достижений других западноевропейских стран, а порой даже противостояла им. Этот специфический германский путь порой называют *Sonderweg*, «особой дорогой» Германии.

Некоторые фундаментальные верования и убеждения, позже приведшие к нацизму, впервые возникли в Австрии. Часто этому не уделяют должного внимания – ведь эта красивая страна ассоциируется, прежде всего с тирольскими хижинами, пением горцев, приветливостью и уютом. Другая причина в том, что в результате напряженных отношений между оккупировавшими ее союзниками Австрия избежала своего собственного Нюрнбергского процесса. Вследствие вражды между различными национальными и языковыми общинами Австрийской империи австро-германцы развили в себе чувство культурного и расового превосходства, приведшее позже к пангерманскому фанатизму. Сама же империя медленно сползала в хаос. Чтобы сохранить свою руководящую роль, германоязычной общине приходилось бороться с не менее патриотически или расистки настроенными чехами, словаками, поляками, рутенцами, словенцами, сербохорватами, итальянцами и другими. «В Вене жило больше чехов, чем в Праге, больше евреев, чем в Иерусалиме, и больше хорватов, чем в Загребе»³⁴.

Новые теософские идеи, замешанные на растущем в Австрии пангерманизме, отчасти объясняют появление такой фигуры, как Гвидо фон Лист (1848—1919). Лист был романтическим мечтателем – в своих работах он возвеличивал германское прошлое. Он утверждал, что арийско-германское богочеловечество являлось высшим типом человеческих существ, который когда-либо существовал, и ему вновь суждено стать «высшей формой жизни, способной когда-либо развиться во вселенной»³⁵. Согласно ему, у германо-арийцев было две формы религиозной практики: одна открытая, экзотерическая – вотанизм, другая тайная, эзотерическая – арманизм. На дальнем севере с незапамятных времен до наших дней существует непрерывная традиция посвященных арманистов. Эту элиту, *Armanenschaft*, нужно возродить. Она должна осознать свою истинную задачу: создание будущей расы богоподобных людей.

Свои воззрения Лист подкреплял псевдоисторическими рассказами, пробуждая интерес к остаткам арийско-германского прошлого: к монументам, ландшафтам, археологическим находкам. Он написал целые тома, посвященные священным рунам. Делая все это, он воскре-

шал антиримские и антикатолические чувства, присущие германскому сознанию задолго до Лютера. Названия его книг говорят сами за себя: «Германские мифологические ландшафты», «Изначальный язык германо-арийцев и язык их мистерий», «Арийско-германская религия – ее экзотерическая и эзотерическая стороны», «Германо-арийцы – это арманисты», «Тайна рун»...

Влияние Листа усиливалось. Общества Листа и тайные арманистские ложи появились во многих австрийских городах, еще больше их было в Германии. Разумеется, его книги тешили германское эго историями о великом прошлом и сияющем будущем немецкого народа. О реинкарнации и карме многие впервые прочли у Листа. Много из того, что было подавлено в немецкой душе жестоко навязанным христианством, выразилось в фантастических работах Листа и вошло составной частью в фолькистское⁵ движение. «Лист фактически стал гуру пангерманцев», – пишет Петер Орцеховски. «В прижизненной биографии его называли «человеком, воскресившим древнюю арийскую мудрость». На крыльях славы идеи Листа, воспевающие тайную германскую сущность, в самый короткий срок распространились и в империи Вильгельма II. Члены обществ Листа сыграли в этом немалую роль»³⁶.

Откровения Листа подкреплялись и в некотором смысле дополнялись публикациями другого австрийца, Йорга Ланца фон Либенфельса (1874—1954). Ланц был знаком с Листом, более того, как считает Бригитта Хаман, он был «его ближайшим учеником и последователем»³⁷. Именно Ланц изобрел слово «ариософия» (под явным влиянием «теософии») и применил его к своему учению и учению Листа. Бывший монах, Ланц усердно изучал Библию, для «истинного» понимания которой он изобрел некий ключ. При этом он всей душой желал реализовать идеалы рыцарей-тамплиеров – во всяком случае, то, что он считал этими идеалами. Позднее он создаст Орден новых тамплиеров.

Ланц писал книги с названиями наподобие «Теозоология, или Предания обезьянцев из Содомы и Электрон Богов» (1905). Но самые влиятельные эссе, когда-либо выходявшие из-под его пера, появлялись в периодическом издании «Остара». Практически это была серия брошюр на определенные темы. Вот некоторые заглавия: «Раса и женщина: ее предпочтение мужчин низшего вида»; «Опасность прав женщин и необходимость высшей морали, основанной на правах мужчин»; «Любовная и сексуальная жизнь блондинов и темнокожих»; «Введение в сексуальную физику»; «Блондины как создатели языка»... Как видно из этих названий, навязчивые идеи бывшего монаха, в сравнении с Листом, были куда фривольнее. Неудивительно, что одной из причин его исключения из Цистерцианского ордена было *amori carnati captus*, что означает попадание в сети плотской любви – по всей видимости, гомосексуальной.

Центральное откровение Ланца состояло в том, что в человечестве между высшими, благородными, богоподобными существами и низшими, безобразными, животноподобными тварями существует пропасть. Этих низших существ он называл чандалами, обезьянцами или *Schrättlinge* – лешими, уродцами. Высшие существа – это «беловолосые арийские героические расы всех народов и наций». Увы, женщины этих возвышенных существ дали себя совратить полукровкам, которые таким образом наслаждались порчей крови благородных рас. Мало-помалу это привело к деградации светловолосого человечества, а следовательно, и всего благородного, чистого, творческого. Бывшие представители высшего человечества стали пародией на самих себя, больше походящими на животных, чем на истинных людей. Грех пришел в мир именно через женщин, ведь они подвержены влиянию животной похоти больше, чем мужчины.

Бредни Ланца не просто циркулировали в узких группах или сектах. У «Остары» был большой тираж и она широко читалась. В идеях Ланца и Листа неприкрыто выражалось чувство расового превосходства, поддержанное дарвинистскими аргументами, а также вдохновленное стремлением к реализации высших идеалов, широко распространенных в то время в

⁵ *Völkisch* – германское народное националистическое движение с ярко выраженной расистской составляющей. Подробно рассматривается в главе 9. – Прим. пер.

Германии и Австрии. Эти чувства были одной из движущих сил фолькистского⁶ движения. Позже они станут неотъемлемой частью нацизма.

Здесь необходимо заметить, что несколько авторитетных исследователей склоняются к тому, чтобы поверить утверждениям Ланца: Гитлер в венские годы читал «Остару». Сам Ланц писал в 1932 году: «Гитлер – один из наших учеников»³⁸. Как и Зеботтендорфу, эта наглость не прошла ему даром – его заставили замолчать. Как бы то ни было, фактом остается то, что нацизм реализовал на практике множество идей Ланца, в особенности это касается Черных рыцарей – СС Гиммлера. Ланц фон Либенфельс тешил себя картинами огненного холокоста – когда эти полукровки, недолюди, будут в огромных кострах приноситься в жертву богам. «И под ликование богоподобных людей мы завоюем всю планету»³⁹, – писал он.

Germanenorden [Орден германского народа]

Как раз около 1880 года – водораздела в культурной истории Европы – самосознание германцев (если не сказать, их мания величия) приобрело гипертрофированные формы. Благодаря искусному правлению Бисмарка им удалось в 1871 году создать германское государство, которое они называли Вторым рейхом. (Первый рейх, Священная Римская империя германской нации, закончила существование в 1806 году.) Но чем больше немцы убеждались в исключительном превосходстве своего народа и, в особенности, в превосходстве своей расы, тем легче им было презирать другие народы, которые, с их точки зрения, Создатель одарил не так щедро. Здесь нужно заметить, что в те годы даже верующие легко принимали дарвинизм – им как-то удавалось совмещать мировоззрение, основанное на власти случая, с идеями о всемогуществе Бога и Провидения. А социальный дарвинизм был прекрасным дополнением к расизму, придавая ему новый импульс.

В этом описании германского самосознания нет ни капли преувеличения, что можно продемонстрировать, процитировав параграф из листовки, распространявшейся *Germanenorden*: «Самая высокоталантливая и одаренная раса – это раса нордическая или арийско-германская. В наиболее чистой форме она характеризуется следующими внешними признаками, отличающими ее от всех других рас: светлые волосы, голубые глаза, розовато-белый цвет кожи и благородная осанка. Согласно последним исследованиям, эта раса с древнейших времен была единственным создателем и выразителем благороднейших моральных идей и всех высших форм культуры. Благодаря своим прирожденным умственным способностям, богатству чувств, чести, чувству справедливости и милости, а также благодаря своей творческой силе и созидательным способностям именно этой древнейшей расе предназначено быть вождем всего человечества»⁴⁰. Это было фундаментальное верование всех германских националистов и пангерманистов, именно это убеждение толкало нацистов к власти, а немецкие армии – к завоеванию всего мира.

И если германцы лучшие из всех, если это народ божественных избранников, то они, естественно, могли чувствовать неудобство от присутствия людей, чуждых телу их германской, нордической, нордо-германской или арийско-германской расы. Эти чужаки были с ними веками: предприимчивые, сообразительные, порой пробиравшиеся в самые высокие слои общества, – речь идет о евреях, одном проценте населения Германии. Как и жители других европейских стран, немцы имели давнюю и глубоко укоренившуюся традицию антисемитизма, столетия назад занесенного сюда христианством. А христианство учило, что евреи убили вочеловечившегося бога и в наказание за то рассеяны по лицу всей земли. Чем больше раздувалось

---

⁶ Немецкое слово *völkisch* невозможно адекватно перевести. Оно ассоциируется с «расой» и со всем тем, что принадлежит далекому прошлому народа. Слова «*völkisch*», «фольклор» и «фолк-музыка» – родственные.

германское эго, тем меньше оставалось места для «чужаков», а антисемитские чувства разгорались все жарче и становились все заразнее.

На этой благодатной почве родился *Germanenorden*, детище инженера-механика Теодора Фрича (1852—1933). Некоторые считают Фрича «самым значительным антисемитом до Гитлера»⁴¹. Именно он составил в 1887 году «Катехизис антисемита». Двадцать седьмое издание этой книги вышло в 1907 году под названием «Справочник по еврейскому вопросу». До конца Третьего рейха он оставался настольной книгой и источником вдохновения для всех, кто ненавидел евреев. В 1889 году Фрич основал Антисемитскую народную партию. В 1902 он стал издавать журнал «Молот», который пользовался таким успехом, что ассоциации Молота стали появляться по всей Германии. Именно на эти ассоциации опирался Фрич, основывая *Germanenorden* в 1912 году. «Самыми важными распространителями идей Листа по ту сторону границы [между Австрией и Германией] были члены обществ Листа в Германском рейхе, вовлеченные в ассоциации Молота и *Germanenorden*»⁴², – пишет Гудрик-Кларк. Разнообразные инициативы Фрича находили в Германии широкий резонанс. Его влияние было огромным. Именно этот человек превратил широко распространенные, но туманные антисемитские чувства в четко сформулированные концепции, лозунги и действия.

Орден германского народа (*Germanenorden*) был организацией, параллельной ассоциации Молота, фактически ее тайным близнецом. Детлев Розе сообщает: «Активисты из *Germanenorden* основали первую антисемитскую ложу, первое тайное общество для противодействия тайным еврейским обществам... Собирая информацию, раздавая инструкции, они стремились завоевать влияние и вернуть в германские руки контроль над судьбой германских стран»⁴³. Предполагалось, что существуют тайные еврейские общества, нацеленные на захват власти над миром и в особенности над Германией. Эти слухи получили широкое распространение еще до того, как начали свою разрушительную карьеру «Протоколы сионских мудрецов».

Поразительно, что *Germanenorden* был организован в виде лож – несмотря на то, что франкмасоны окажутся главной мишенью всех прогерманских организаций и, главным образом, нацистов. Причина этой ненависти была в том, что франкмасоны искали свое вдохновение в идеях Просвещения и, следовательно, были интернационалистами по духу. Из этого фанатичные германцы заключили, что франкмасонство является не чем иным, как инструментом еврейской мировой гегемонии. Согласно их логике, во-первых, сама эпоха Просвещения была попыткой евреев завоевать власть над умами людей, навязав им руководство разума. Во-вторых, интернационализм – равно как и демократия, индивидуализм, либерализм и социализм – является порождением Просвещения и потому находится под прямым или косвенным контролем мирового еврейства. Если следовать этой логике дальше, то скоро можно прийти к заключению, что евреи являются причиной всех страданий в этом мире. Почтенный господин профессор Трейчке даже создал подходящую формулу: «Наша беда – это евреи».

В своем подражании масонству Орден германского народа пошел еще дальше, практикуя ритуалы, которые постороннему наблюдателю могли бы показаться несколько странными. Например, существовал ритуал «Возвращение блудного ария в германское лоно»⁴⁴. Магистр ложи, который должен был принять блудного ария на свои колени, сидел под балдахинном. По сторонам его стояли два рыцаря в белых одеждах и рогатых шлемах, опираясь на мечи. Братья из ложи стояли перед ним полукругом, тогда как с заднего плана доносилась музыка – играла фисгармония или фортепиано, аккомпанируя хору лесных эльфов. Братья пели «Хор пилигримов» из вагнеровского «Тангейзера». Весь ритуал должен был проходить при свечах. И так далее. Это показывает, что *Germanenorden* все еще находился в плену наивных фантазий о мифическом прошлом. Создать новую культуру и новые мифы не так-то просто. Гитлер сделает это куда эффективнее.

И все же несмотря на то, что некоторые аспекты *Germanenorden* кажутся немного детскими, антисемитизм, который он исповедовал, был фанатичным, агрессивным и смертоносным. Этот орден был школой ужасов, совершенных нацистами. Именно в тайных глубинах этого ордена формировались эскадроны убийц. Согласно Герману Гилбхарду, «из рядов *Germanenorden* выходили крайне опасные террористы, что доказывает убийство Маттиаса Эрцбергера⁷: оба стрелявших в бывшего министра финансов в августе 1921 года, а также Манфред фон Киллингер, отдавший приказ об убийстве, состояли не только в организации «Консул» в Мюнхене, но и входили в *Germanenorden* в Регенсбурге...»⁴⁵

Разлады и расколы в оккультных организациях случаются часто. Видимо, дело здесь в том, что оккультная реальность постигается на личном субъективном опыте, – но как решить, кто из руководителей организации обладает высшими или глубочайшими субъективными переживаниями? Осенью 1916 года *Germanenorden* разделился на две организации: руководителем одной был Филипп Штауфф, бывший личный ученик Гвидо фон Листа, другую возглавил Герман Поль. Поль назвал подвластную ему часть «*Germanenorden-Walvater*» в честь Вотана (или Одина), «нордического Всеобщего Отца или *Walvater*, дающего людям героическую смерть на *Walstatt*, поле сражения»⁴⁶.

И именно здесь мы вновь встречаемся с еще одним персонажем нашего повествования – Рудольфом фон Зеботтендорфом. Дело в том, что Зеботтендорф вступил в контакт с Полем и, по всей видимости, имел такие убедительные «верительные грамоты», что вскоре после раскола тот назначил его главой баварского отделения *Germanenorden-Walvater* в Мюнхене.

Рудольф фон Зеботтендорф

Адам Гаулер, иначе Рудольф Фрайхер фон Зеботтендорф фон дер Розе, родившийся в 1875 году, был сыном машиниста паровоза. Машины и всяческая техника интересовали сына так же, как и отца. Адам стал умелым техником. Он даже пытался учиться на инженера, но не закончил курса. Он стремился увидеть мир и нанимался техником на корабли, державшие курс в Австралию, Нью-Йорк или Неаполь. Не колеблясь, он переходил с одного корабля на другой, если тот шел по более заманчивому маршруту. В 1900 году в Австралии он даже занялся золотоискательством, но был вынужден оставить эту затею из-за смерти компаньона. Вскоре Гаулер находит работу на корабле, который привозит его в Египет. Именно в Каире его жизнь вступает в новую фазу: в тени пирамид он заинтересовался реальностью, лежащей за внешней видимостью вещей, – тем, что обычно называют «оккультизмом».

«Гаулер начал серьезно изучать оккультизм, – пишет Гудрик-Кларк. – Его интерес к эзотерике проснулся в июле 1900 года, когда он увидел вертящихся дервишей из секты Мевлевий и посетил пирамиду Хеопса в Гизе. Его спутник Ибрагим рассказал ему о нумерологическом и космологическом значении пирамид и заинтересовал его тайными знаниями, которыми владели древние теократические государства. Гаулер гостил у Гуссейна Паши – человека богатого и ученого, практиковавшего суфизм, который обсуждал с ним эти темы. В Бурсе он познакомился с семейством Термуди... Старик Термуди отошел от дел и целиком посвятил себя изучению каббалы и собиранию алхимических текстов и текстов розенкрейцеров... Все Термуди были масонами... Гаулер был принят в ложу стариком Термуди, а позднее унаследовал его оккультную библиотеку. В одной из этих книг Гаулер нашел заметку Гуссейна Паши, где тот описывал традиционные тайные мистические техники исламских алхимиков, все еще практикующиеся в секте дервишей, называемой Бекташи»⁴⁷.

---

⁷ Эрцбергер, Маттиас (1875—1921) – член германского правительства в октябре-ноябре 1918 г.; подписал от имени Германии Компьенское перемирие в 1918 г. В 1919—1920 г. был министром финансов. – *Прим. пер.*

В 1902 году Гаулер возвращается в Германию, но остается привязанным к Турции – еще и потому, что его женитьба и финансовые дела в Германии пошли неудачно. К концу 1908 года он вновь возвращается в Турцию, где «продолжает изучать исламский мистицизм, который, с его точки зрения, имеет общие арийские корни с германскими рунами». Одним из результатов этих исследований стало эссе о дервишах Бекташи, «парадоксальном мистическом ордене, широко распространенном и влиятельном в Турции, который легенда связывает с происхождением янычар»⁴⁸. Тайная организация Бекташи напоминала масонскую, она сыграла важную роль в переходе от абсолютистского Османского государства к современной Турции – к тому времени младотурки революционным путем установили конституционную монархию и парламентское правление. Гаулер, по его собственным словам, стал турецким подданным в 1911 году и был усыновлен жившим в Турции германским бароном Генрихом фон Зеботтендорфом фон дер Розе, имя которого он и принял.

В 1913 году, незадолго до начала Первой мировой войны, Зеботтендорф вновь вернулся в Германию. Он увидел «материалистическую страну без всяких ориентиров, которая, казалось, находилась на грани духовного коллапса... Исчезли старые простые нравы и обычаи, люди пытаются забыться в оргии потребления. Церкви пусты, они уже не поддерживают ничьей веры. Везде разлит яд зависти и ненависти... В обществе полно ложных пророков и спиритических кружков, где “истеричные женщины” и “анемичные юнцы” ищут утешения, но вместо этого попадают в сети к обманщикам. “Не было такой глупости, в которую хоть кто-нибудь не верил бы”»⁴⁹.

Что же сделало Зеботтендорфа, впитавшего оккультную традицию Ближнего Востока, страстным германским националистом и антисемитом? Быть может, это началось просто с внутренней дисциплины, с привычки к концентрации, с осознания элементарной иерархии невидимых вещей, присущей всякому истинному духовному поиску. Он не принял западный образ жизни, но в своем отвержении пошел по тому же пути, что и фольклисты, – обратился к прошлому, концентрируясь на свете, исходящем из «германской души». «Политические воззрения Зеботтендорфа имели главным образом религиозный источник – это антиматериализм османского мистицизма, алхимия, розенкрейцеры; затем к этому добавилась послевоенная ненависть к большевизму, который он считал кульминацией материализма. Все это привело к тому, что он обратился к антидемократическим идеям»⁵⁰. Такая направленность ума сделала Зеботтендорфа восприимчивым к писаниям Гвидо фон Листа и Йорга Ланца фон Либенфельса (истинные имена которых – Гвидо Лист, без благородной частички «фон», и просто Георг Ланц).

Зеботтендорф, как и Лист, был очарован рунами. Ученые считают, что появление фонетического рунического алфавита относится к первым векам нашей эры и что он, вероятно, произошел от этрусского письма. Найдено множество древних рунических надписей, особенно в Скандинавии. «Историки в большинстве своем сходятся в том, что руны обладали символическим смыслом и помимо своего фонетического значения и использования в письме широко применялись в гаданиях, при бросании жребиев, в магических заклинаниях, при изготовлении амулетов и талисманов»⁵¹. Лист много писал о рунах. Он провозгласил, что в действительности это символические знаки арманийцев (*Armanen*) – древних арийско-германских посвященных и богоподобных людей прошлого. Именно этот предмет и свел вместе Зеботтендорфа с Германом Полем, новоиспеченным Великим Магистром *Germanenorden-Walvater*.

Теперь мы имеем некоторое представление о «верительных грамотах» Зеботтендорфа, которые так впечатлили Поля, что тот поставил его во главе баварского отделения ордена. В ближайшее время – между 1921 и 1923 годами – Зеботтендорф напишет две полуавтобиографические новеллы и целых семь учебников по астрологии. В то время в Германии насчитывалось «больше астрологов на квадратный километр, чем где-либо в мире», и между тем

он был одним из самых авторитетных. Если добавить к этим работам его эссе о дервишах Бекташи и многочисленные заметки в изданиях, выпускавшихся под его контролем, придется признать, что Зеботтендорф – человек незаурядный. Это подтверждается и тем фактом, что в мюнхенское отделение ордена вступило множество очень заметных людей из высшего общества. Поэтому можно с некоторым скепсисом отнестись к утверждениям вроде того, что «[Зеботтендорф] был политиканом с темным прошлым» (Фест⁵²), или к названию главы о Зеботтендорфе в книге Детлев Розе: «Искатель приключений из Хойерсверды [место его рождения]⁵³». Заявления такого рода просто вешают на Зеботтендорфа ярлык, что мешает более глубокому пониманию этого человека. Заключение Гудрик-Кларка, который был лучше информирован, заслуживает большего доверия: «Не будь этого человека, вероятнее всего, и *Germanenorden*, и ариософия были бы преданы забвению»⁵⁴.

Общество Туле

Когда Зеботтендорф принял руководство баварским отделением ордена (в 1916 году), весь *Germanenorden-Walvater* находился не в лучшей форме. «Великая война» была тогда в самом разгаре. Ее надеялись завершить за несколько недель или месяцев, однако она превратилась в нескончаемый ад на фронте и привела к непрекращающимся лишениям в тылу. Многие члены *Germanenorden* попали на фронт, идеи каждого подвергались суровой проверке. Гудрик-Кларк пишет, что в то время орден «дышал на ладан». Это же подтверждает и Зеботтендорф, говоря, что члены ордена, оставшиеся в тылу, должны были приложить все усилия, чтобы «вновь вернуть орден к жизни»⁵⁵. Однако Зеботтендорф, как оказалось, был активным и вдохновенным организатором. В самый короткий срок баварское отделение насчитывало уже 1500 членов, из которых 250 приходилось на Мюнхен.

Великий Магистр Зеботтендорф избрал для мюнхенского филиала новую резиденцию: престижный отель *Vier Jahreszeiten*, «Четыре времени года» (этот отель до сих пор один из лучших в городе). Торжественное открытие новой резиденции пришлось на Рождество 1917 года. В ознаменование этого события Зеботтендорф начал издание двух журналов, одного с типичным названием «Руны», – для симпатизирующих и для друзей ордена и другого, под названием «Новости Ордена», – для посвященных членов. Зеботтендорф, у которого водились деньги – он женился на дочери богатого дельца, – также приобрел влачившую жалкое существование газетенку *Münchener Beobachter*, «Мюнхенский обозреватель». Позже она будет переименована в *Völkischer Beobachter* и станет ведущей газетой нацистов. Эмблемой мюнхенского отделения ордена (то есть общества Туле) стала свастика, увенчанная дубовыми листьями, с мечом на заднем плане.

Были определены следующие установки и цели *Germanenorden*:

1. Член ордена должен быть немцем, «который может доказать чистоту своей крови до третьего колена, что пресечет возможность того, что в орден просочатся евреи»;
2. «Особая важность придается пропаганде расовой науки», понимаемой в дарвинистском смысле;
3. «Принципы пангерманизма должны быть применены ко всей германской расе; нужно готовить объединение всех людей германской крови»;
4. «Со всевозможной энергией необходимо вести борьбу против всего антигерманского, борьбу с интернационализмом, борьбу против еврейства в германцах».

Члены ордена также должны были подписать бумагу, свидетельствующую о чистоте их крови: «Нижеподписавшийся заявляет, что, насколько ему известно, в жилах его и его супруги течет кровь без всякой еврейской или цветной примеси; он также свидетельствует о том, что среди его предков не было представителей цветных рас»⁵⁶.

При этом Зеботтендорф дал новое имя мюнхенскому филиалу ордена. Теперь он стал называться *Thule-Gessellschaft*, то есть общество Туле. С тех пор тайный *Germanenorden* начнет открыто действовать под этим подставным именем. «Так как на смену тайным ритуальным действиям *Germanenorden* пришли явные собрания крайне правого направления, термин «общество Туле» был принят в качестве «прикрытия» для ордена – с тем чтобы не привлекать к нему внимания социалистов и прореспубликанских элементов», – объясняет Гудрик-Кларк⁵⁷. Новое имя звучало, по словам Зеботтендорфа, «достаточно загадочно», и в то же время «те, кто был в курсе, понимали, что это такое»⁵⁸. Генеалогия общества Туле не оставляет никаких сомнений: имперская *Reichshammerbund* (ассоциация Молота) Фрича создала тайную параллельную организацию *Germanenorden* (Орден германского народа), а мюнхенский филиал его баварского отделения принял имя «общество Туле». В Баварии слова *Germanenorden* и общество Туле означали одно и то же.

Туле, упоминаемая некоторыми античными историками, – это мифическая страна где-то за Британскими островами, лежащая в затянутых туманами районах вечного льда и снега, где-то неподалеку от Северного Полюса, а может, и на нем самом. Романтическое воображение фолькистского движения превратило эту мифическую страну в «тот самый Север»⁵⁹. Туле стала «родиной души нордической расы... памятью о рае...» (Зюннер⁶⁰) и отождествлялась с «загадочной родиной ариев – сверхчеловеческой расы с божественными способностями, обладавшей знаниями, утраченными современным человеком»⁶¹. Одним словом, все мечты, все нереализованные желания проецировались назад, в мифическое прошлое, в эту легендарную страну, со страстным стремлением к тому, чтобы германский народ реализовал все это в будущем. «В то время Туле было выражением духовных устремлений многих немцев, явившихся реакцией на современные тенденции, непонятные и пугающие: экономический либерализм, материалистический утилитаризм и научный позитивизм... Туле было символом отрицания жизни – символом вечности и успокоения, символом смерти и одновременно победы над смертью в источнике расы»⁶².

Слово «Туле» содержало и намек на Атлантиду, которая то и дело является если не из океанских вод, то из водоворотов человеческой памяти. Согласно Крису Амери: «В глубинах подсознания все немцы одной ногой стоят в Атлантиде». «Нордический расистский миф об Атлантиде понимался тогда как указание на общий источник германской культуры»⁶³. Все это имеет отношение к нашему повествованию, что подтверждают следующие строчки, написанные Зеботтендорфом: «Нас пытаются убедить – и мир все еще верит этому, – что (арийцы) появились на азиатских возвышенностях или в Месопотамии. Говорят, что свет пришел с Востока. Но недавние исследования показали, что это предположение ошибочно: корни создателей культуры находятся в северной Европе, на севере Германии. Именно отсюда с темных доисторических времен до наших дней, волна за волной шли потоки оплодотворяющей германской крови, неся всему миру культуру»⁶⁴. Это было не просто его личное мнение. Подобные мысли в XIX веке высказывались многими видными публицистами, учеными, а также писателями. К первой декаде XX века для участников фолькистского движения и расистски ориентированных германцев эти идеи приобрели истинность Святого Писания. Гитлер, например, придерживался в точности тех же самых взглядов, равно как и Альфред Розенберг, ответственный в Третьем рейхе за официальную нацистскую идеологию.

Воображение людей, увлеченных фолькистским движением, легко отзывалось на слово «Туле» еще и вот по какой причине: издатель Юген Дидерихс избрал это слово в качестве названия серии книг, где публиковались переводы северных мифов и саг – *Sammlung Thule* («Собрание Туле»). Эта серия, состоявшая из двадцати четырех томов, печаталась с 1911 года. Публикация тщательно подобранных книг или целой серии – по доступным ценам – является

одним из самых действенных методов распространения какой-либо идеи. Широкая публика впервые смогла читать и изучать Эдду, другие нордические мифы, легенды, песни и эпосы. Инициатива Дидерихса значительно способствовала тому, что «германский ум повернулся к Северу» и отошел от Востока, а что еще важнее – от южной Европы и в особенности от Рима, символа древней Римской империи, ее культуры, а также от католической церкви. «Туле – это не прошлое. Туле – это вечная душа Германии», провозглашали проспекты Дидерихса⁶⁵.

«Для многих общество Туле стало прибежищем, – вспоминает Зеботтендорф. – В Мюнхене не было ни одной организации, представлявшей национальные интересы, которая не нашла бы приюта в Туле»⁶⁶. Принимая во внимание то, что Мюнхен с его пивными залами и пивной культурой был (да и сейчас остается) городом, в котором общение и вечеринки являются образом жизни и «все друг друга знают» – важный фактор в появлении нацистского движения, – в столице Баварии общество Туле должно было обладать серьезным весом.

Для пропаганды своих идей Туле организовывало националистические и антисемитские общества, но помимо этого оно занималось и разнообразной внутренней деятельностью – ведь и зарегистрировано оно было как «группа по изучению германских древностей». Читались лекции по рунам, по германской истории и доисторической эпохе, лекции об Эдде и о Песне о Нибелунгах, а также на другие фольклорские темы, которые признавал и поддерживал *Germanenorden*. Изучалась астрология, нумерология, использование маятника и лозоискательство. Проводились вечера искусства, вечера инструментальной и вокальной музыки. Отмечались важные даты германского календаря, прежде всего зимнее и летнее солнцестояние. И все это – в клубах дыма от сигарет и сигар, подкрепляясь сосисками и пивом.

Но у Туле была и другая сторона – оккультная деятельность, скрывающаяся за этим шумным фасадом, ведь это общество было тайным – его члены давали клятву молчать⁶⁷. Здесь проходили псевдо-масонские ритуалы *Germanenorden-Walvater* «“Возвращение блудного арийца в Хальгадом”», регулярные собрания, на которых проводился инструктаж членов, обсуждались предложения по внешней работе или осуществлялись продвижения по иерархической лестнице. Также проходили собрания членов Туле, увлеченных оккультизмом того или иного рода». Нам известно ближневосточное прошлое Зеботтендорфа – его, безусловно, просили поделиться своими знаниями. Вальтер Наухауз, его близкий сотрудник, читал «“исследования” Гвидо фон Листа, издания по астрологии, хиромантии и книги Перит Шоу. В письме к Листу он признавался, что интересуется каббалой, индуистскими и древнеегипетскими верованиями. Как и Зеботтендорф, Наухауз увлекался мистическими учениями древних теократий и тайных культов»⁶⁸.

Отклик происходившего тогда в Туле можно найти и в мемуарах Вальтера Шелленберга, главы внешней разведки СС: «Расовая мания Гитлера была одной из характерных его черт. Я несколько раз обсуждал это с Гутберлетом, мюнхенским врачом, входившим в круг его приближенных. Гутберлет верил в какой-то “звездный маятник” – некое астрологическое приспособление – и утверждал, что оно дает ему способность немедленно чувствовать присутствие еврея или людей с примесью еврейской крови и находить их в любой группе людей... Гитлер... часто обсуждал с ним расовые вопросы»⁶⁹. Доктор медицины Вильгельм Гутберлет упоминается в списке, приведенном Зеботтендорфом в книге «Еще до Гитлера», – он был членом одного из двух подразделений Добровольческого корпуса, созданных Туле. Его однополчанином был и некий Рудольф Гесс.

Принимая все это во внимание, едва ли можно сомневаться в том, что существенной сферой интересов Туле был спиритизм. Филипп Штауф, один из основателей *Germanenorden*, «участвовал в серии спиритических сеансов, в которых, якобы, устанавливался контакт с давно умершими королями-священниками древней религии»⁷⁰. В Германии того времени интерес к вызыванию духов достиг рекордного уровня – многие пытались утешиться, связываясь с

отцами, сыновьями или братьями, павшими на поле боя. Кроме того, тогда спиритизм был не просто погоней за ледяными кровью ощущениями, как это принято считать сейчас, – он был поиском «новых форм трансцендентного опыта», основанного на холистической интерпретации реальности⁷¹.

В уже упоминавшейся книге («Еще до Гитлера») Зеботтендорф воспроизводит ряд своих работ, публиковавшихся в изданиях Туле. Достаточно нескольких коротких цитат: «Немцу нужен фюрер, который навязывал бы ему свою волю... Мы не признаем братства между народами, мы признаем интересы нашей расы. Мы признаем не братство людей, но братство крови... Борьба – отец всего... Мы больше не желаем быть наковальней, мы хотим стать молотом [намек на *Hammerbund* – ассоциацию Молота Фрича]... Демократию выдумали евреи, и любая демократическая революция – дело их рук... Существуют высшие и низшие расы. И если кто-то приписывает равную ценность расовым ублюдкам, чандалам и благородному народу ариев, он совершает преступление против человечества. Для восходящей эволюции человечеству нужны люди-вожди и расы-вожди...»⁷² Зеботтендорф гордо добавляет: «Ничего подобного в Мюнхене раньше не слышали». Позиция, занятая Туле, пишет он, представляет собой «фундаментальное изменение отношения германцев к еврейской проблеме... Современные исследования и имеющиеся факты не оставляют сомнения в том, что еврейская проблема – это проблема расовая, а не религиозная. Вот в чем вопрос: допустим ли мы, германские братья-по-расе (*Volksgenossen*), чтобы в будущем над нами политически, культурно и экономически доминировало меньшинство людей чуждой расы, меньшинство, осознающее себя таковым, держащееся в стороне и тщательно охраняющее чистоту своей крови законом и религией – что для еврея одно и то же?»⁷³

Война подходила к концу – назревала революция. В первые дни ноября 1918 года моряки германского флота, стоящего в Киле и в Вильгельмсхафене, следуя примеру русских моряков из Кронштадта, отказались подчиняться офицерам и восстали. Моряки расходились по стране, убеждая население присоединиться к их протесту против войны, против ее поджигателей, против ее катастрофических последствий для Германии. Они подняли красный флаг, проповедуя мировую революцию пролетариата. 7 ноября Курт Эйснер перед огромной толпой народа на *Theresienwiese* (большом открытом пространстве) в Мюнхене провозгласил Баварию социал-демократической республикой. Король Баварии Виттельсбах отрекся от престола и удалился в изгнание. 11 ноября Германия сложила оружие. Ее «попытка захватить мировую власть» провалилась, «война иллюзий» была проиграна. Удар по немецкой психике, по чувству немецкого превосходства был ужасающим. Обществу Туле пришла пора доказать, что оно способно на что-то большее, чем высокопарные воззвания.

Зеботтендорф немедленно ответил на революционную ситуацию в речи, обращенной к членам Туле: «Мои братья и сестры! Вчера мы стали свидетелями того, как рушилось все, что было нам привычно, что мы любили и ценили. Вместо принцев, связанных с нами кровью, над нами царит Иуда – наш смертельный враг. Мы не знаем еще, что разовьется из этого хаоса. Об этом можно лишь гадать... Все мы, участники этой борьбы, подвержены опасности, ведь враг ненавидит нас безграничной ненавистью иудейского племени. Теперь – око за око, зуб за зуб... И пока я держу в руке этот молот (Великого Магистра), Туле будет бороться... С сегодняшнего дня мы начинаем действовать...»⁷⁴

И они начали. Герман Гилбхард пишет: «Во времена Германской революции Туле собрало под свою крышу практически все националистические и антисемитские силы Мюнхена»⁷⁵. С ним соглашается Детлев Розе: «Общество Туле стало центральной организацией, объединяющей пангерманские, патриотические и им подобные ассоциации. Оно пыталось предоставить убежище всем группам, оказавшимся под угрозой в разразившейся политиче-

ской буре... Его роль в это смутное время была крайне важна... К отелю *Vier Jahreszeiten* сходились множество невидимых нитей»⁷⁶.

Для борьбы с красными общество Туле развернуло пропагандистскую кампанию, печатая десятки тысяч листовок, что было одним из главных инструментов политической борьбы в то время – тогда средства массовой информации еще не стали тем, чем они являются сегодня. Покупалось и пряталось в тайниках оружие, ставшее легко доступным с тех пор, как армия вернулась с фронта. В самые первые республиканские дни Туле сформировало военизированный *Kampfbund Thule* (Боевой союз Туле). Вскоре общество создаст еще одну боевую единицу – *Freikorps Oberland*. Эти два отряда Добровольческого корпуса находились под командой демобилизованных офицеров, за плечами которых были годы фронтового опыта. Позже эти отряды отличатся при свержении Мюнхенской Республики Советов, а также в борьбе с большевиками в районе Прибалтики. 21 февраля 1919 года был убит Курт Эйсер, как раз тогда, когда он собирался оставить президентский пост. Предполагают, что его убийца Антон фон Арко ауф Валлей был связан с обществом Туле.

Особенного накала контрреволюционная борьба достигла, когда на смену социалистам Эйснера пришли коммунисты, провозгласившие Республику Советов и усилившие атмосферу хаоса. Большевики бросали вызов буквально каждому пункту программы Туле. Они не колеблясь реквизируют, обыскивали, арестовывали и убивали. Трагикомическая цепь ошибок привела к тому, что семь членов Туле были арестованы и казнены. Одним из погибших был Вальтер Наухауз – тот самый, кто предложил свастику в качестве эмблемы общества. Среди других были барон Карл фон Тойхерт, графиня Хейла фон Вестарп и князь Густав Мария фон Турн унд Таксис. Восьмым казненным был профессор Эрнст Бергер, еврей, попавший в эту компанию антисемитов по ошибке. Он настаивал на том, чтобы их вели к месту казни, думая, что их поведут допрашивать и там ему удастся объяснить, кто он такой. Весть об этой казни скоро достигла подразделений рейхсвера и Добровольческого корпуса, окруживших Мюнхен. При взятии города коммунистов не щадили.

Зеботтендорф оставил свой пост Великого Магистра общества Туле немедленно после того, как закончились революционные события, длившиеся в общей сложности шесть месяцев – с ноября 1918 по май 1919 года. Сам он объясняет это так: газета социалистов *Münchener Post* напечатала памфлет, обвинявший его в том, что он, живущий под чужим именем, трусливо оставил Туле в разгар террора, получил турецкое гражданство с тем, чтобы не попасть на фронт, таскал деньги из общей кассы, и так далее⁷⁷. Зеботтендорф утверждал, что отказался от защиты, чтобы не раскрылись секреты ордена. Он предпочел удалиться. «Чтобы не повредить нежное растение, нужно было уехать». Под «нежным растением» подразумевалось одно политическое движение, созданное с его помощью. Что и подводит нас к следующей главе.

3. Ментор

*Германская душа, подобно свету солнц,
Новой зарей завоевывает ночь!*
Дитрих Эккарт

Туле идет в народ

Реакционеры ненавидели социал-демократов и боялись их подъема, но даже Бисмарку не удалось предотвратить его. В 1912 году социалисты получили в парламенте 110 мест – больше, чем какая-либо другая партия. В 1914 году на волне всеобщей эйфории, вызванной началом войны, социал-демократы на время позабыли о своем принципе интернационализма и предали его. Однако война обманула их ожидания, и под давлением коммунистов и событий в России 1917 года большинство вернулось к первоначальным идеалам. Начиная с революции 1918 года, превратившей Германию в республику, страна оказалась расколотой на два враждебных блока и «угроза гражданской войны нависла над Германией, как грозовая туча»⁷⁸.

Общество Туле – «вероятно, самая могущественная тайная организация в Германии»⁷⁹ – хорошо понимало возможные катастрофические последствия этого разрыва между правыми и левыми и попыталось бороться с этим. Нужно было завоевать расположение рабочих, обратить их к националистическим идеалам. В приведенных ниже словах Гитлера из «Майн Кампф» слышится отзвук этих забот Туле: «Буржуазия недооценивала важность масс и, следовательно, важность социальной проблемы. В результате буржуазия способствовала отчуждению рабочих от их собственной расы (*Volkstum*), направив их в объятия еврейско-марксистских вождей. Это непростительная ошибка... Для успеха партии решающее значение имеет ее способность поддерживать связь с массами»⁸⁰.

Быть может, мысль о том, что рабочих совершенно необходимо привлечь в националистический (и антисемитский) лагерь, была подсказана обществу Туле политически активными элементами рейхсвера – такими, как генерал Арнольд фон Мёхль или капитан Карл Майр. «Между рейхсвером и Туле существовали личные и идеологические связи»⁸¹, – говорит Орцеховски. Это подтверждает и Иоахим Кёлер: «Майр был доверенным Ордена»⁸². Действительно, между всеми правыми активистами, к каким бы организациям они ни принадлежали, существовали прочные взаимоотношения. Рейхсвер, *Germanenorden*, Пангерманская лига и Добровольческий корпус работали вместе. В хаотичной и напряженной атмосфере тех дней правые чувствовали, что их держат в осаде «большевистские силы», и считали, что в этой внутренней осаде находится вся германская культура. Гражданская война редко велась в открытую – главным образом борьба проходила между тайными организациями на бесчисленных скрытых фронтах.

Чтобы перетянуть пролетариат на свою сторону, общество Туле к концу 1918 года основало две подставные организации. Первая получила название Германская социалистическая партия, ее пропаганда началась в Рождество. Предполагалось, что она будет политической партией в классическом смысле этого слова, «партией германской, фолькистской и социалистической», партией закрытой для евреев. Ее газетой будет *Münchener Beobachter und Sportblatt*. Название было рассчитано на то, чтобы привлечь людей из низших классов: *Sportblatt* означает «спортивная газета». Председателем новой партии стал Ганс Грассингер, входивший в один из боевых отрядов Туле, *Tule Kampfbund*.

Рождение следующего отпрыска Туле – Германской рабочей партии – общество провело без лишнего шума. Партия была основана 5 января 1919 года, ее немецкой аббревиатурой было DAP. По задумке президента этой партии Карла Харрера (члена Туле), она должна была скорее походить на ложу, тайный фолькистский клуб. Его членами должны быть рабочие, которых знакомили бы там с идеалами Туле. Таким образом, DAP стала бы более элитным рабочим крылом Туле. По иронии судьбы, именно из DAP выросла массовая НСДАП, Национал-социалистическая рабочая партия Гитлера. Впоследствии она поглотит Германскую социалистическую партию, свою старшую сестру.

«Брат» Карл Харрер (1890—1926), «неутомимый борец за правду и справедливость», по профессии был спортивным журналистом. Газета, в которой он работал (*München-Augsburger Abendzeitung*), как-то напечатала заметку в поддержку продолжения войны. Ее автором был некий Антон Дрекслер. В марте 1918 года Дрекслер основал в Бремене Рабочий комитет за справедливый мир и пригласил Харрера на одно из его заседаний. Когда же руководство Ордена поручило Харреру создать инструмент, с помощью которого можно было бы «завоевать поддержку рабочих масс для борьбы за идеалы фолькистской политики»⁸³, он вспомнил о Дрекслере, работавшем в то время в Мюнхене слесарем на железной дороге.

Антон Дрекслер (1884—1942) был необычным пролетарием, в особенности если принять во внимание его прошлую деятельность в Бремене, его печатные работы, такие как «Мое политическое пробуждение», и разнообразные политические инициативы. Он стал «гостем» Туле – это означало, что он тесно сотрудничал с Орденом, но не являлся посвященным. Вместе с Харрером он организовал «рабочий кружок», мюнхенским председателем которого стал он сам, Харрер же получил пост «общегерманского руководителя». Членами кружка были главным образом товарищи Дрекслера по работе. «Люди, которые принимались исполнительным комитетом в члены, давали клятву молчать как о деятельности группы, так и о составе ее членов»⁸⁴. Из этого кружка вскоре и родилась DAP. «Германская рабочая партия, по тактическим соображениям, подавалась как личная инициатива Дрекслера»⁸⁵. «На первых порах Германская рабочая партия (DAP) не имела большого влияния и существовала исключительно в Мюнхене. Когда же по воле судьбы осенью 1919 года в ее немногочисленные ряды войдет Адольф Гитлер, произойдет поворот, который обретет огромное историческое значение для немецкого народа»⁸⁶.

Капрал вступает в партию

Первый контакт Гитлера с DAP произошел 12 сентября 1919 года. В «Майн Кампф» он рассказывает об этом так: «Однажды я получил от начальства приказ выяснить, что собой представляет некая организация, носившая, по всей видимости, политический характер. Она называлась Германская рабочая партия и должна была вскоре провести собрание, на котором собирался выступать Готфрид Федер. Мне приказали посетить это собрание и доложить о ситуации... Я решил прийти, хотя эта партия была мне совершенно неизвестна»⁸⁷. Эти строчки вошли в гитлеровский миф, внушая мысль о том, что его первый контакт с DAP был чистой случайностью. Однако есть твердые основания считать, что начало политической деятельности Гитлера имело совсем иной характер.

Общество Туле было тайным, тайным был и его рабочий филиал DAP, задуманный Харрером скорее как ложа, а не как обычная политическая партия. В английском переводе «Майн Кампф» есть примечание Ральфа Манхейма: «Составной частью партийной политики было сознательное ограничение членства, чтобы сохранять эзотерический характер общества. Обычно на его собрания приходили только по приглашению...»⁸⁸ Гитлер к тому времени был не только пропагандистом рейхсвера, он был сотрудником военной разведки и одной из

его задач был сбор информации о политических интригах в Мюнхене. Каким образом мог он узнать о месте и времени предполагаемого тайного собрания DAP 12 сентября в пивной *Sterneckerbräu*? Более того, как он мог оказаться на этом собрании без приглашения? Тогда он был лишь капралом и все еще носил форму. Более того, он появился на собрании не в одиночку, а в сопровождении еще трех военных, что подтверждают следующие строки Иоахимшталера: «В тот день, в пятницу 12 сентября 1919 года согласно списку присутствовало всего 43 человека. Среди них были сопровождавшие Гитлера сержант Алоис Гриллмейер и два пропагандиста из Груко (*Gruppenkommando*), Эвальд Болле и Алоис Кнодн»⁸⁹.

Главным выступавшим на этом собрании был Готфрид Федер, автор «Манифеста борьбы за освобождение от рабства денежного процента» – довольно бредовой теории, которая в то время произвела глубокое впечатление на немецких антисемитов, в том числе и на Гитлера, отметившего: «Лекцию Федера я знал еще со времен курсов [для пропагандистов в Мюнхенском университете]». В действительности же на этом собрании Федер заменял Дитриха Эккарта, «гостя» Туле, недавно ставшего членом DAP и хорошо известного капитану Майру. «Выступать должен был Эккарт, но он заболел»⁹⁰. Там же мы встречаем нашего старого знакомого, изобретателя звездного маятника Вильгельма Гутберлета. «Доктор Вильгельм Гутберлет (1870—1933), практиковавший в Мюнхене, член Туле и известный астролог, [на собрании 12 сентября] сидел рядом с Гитлером, о котором он написал пространный отчет для Дитриха Эккарта»⁹¹.

Под конец собрания Гитлер горячо возразил некоему профессору Бауману, осмелившемуся защищать идею союза Австрии и Баварии против протестантской Пруссии. Возможно, это выступление Гитлера было не таким импровизационным, как он хочет это представить: «Здесь я почувствовал необходимость попросить слова. Я решил сказать ученому джентльмену все, что я об этом думаю. В итоге только что выступавший благородный джентльмен тихонько выскользнул со своего места и, не издав ни звука, исчез, как высеченная дворянка. Пока я говорил, с лиц присутствовавших не сходило выражение удивления»⁹². Капрал продемонстрировал свои ораторские способности и выдержал испытание. Его пригласили стать членом DAP. Несколько дней спустя он вступит в партию.

В последних исследованиях большинство специалистов по этому периоду жизни Гитлера сходятся в том, что он вышел на политическую сцену при поддержке рейхсвера и общества Туле. «Когда Гитлер писал главу “Майн Кампф”, посвященную Германской рабочей партии, он хотел скрыть, что инициатива вступления в эту партию исходила не от него», – пишет Ральф Ройт⁹³. В этой связи Ян Кершоу ссылается на капитана Майра: «В документе, на который до последнего времени обращали мало внимания, начальник Гитлера по рейхсверу, капитан Майр утверждает, что он приказал Гитлеру вступить в Германскую рабочую партию, чтобы содействовать ее росту. С этой целью, продолжает Майр, Гитлеру поначалу помогали деньгами... При этом – несмотря на то, что он вступил в политическую партию – ему было разрешено остаться в армии (что шло вразрез с армейскими традициями)»⁹⁴. Антон Иоахимшталер также говорит о том, что у Гитлера был приказ от Майра ознакомиться с DAP «и даже войти с ними в контакт... Можно считать твердо установленным, что Майр если и не приказывал Гитлеру вступить в DAP, то, по крайней мере, советовал сделать это, а также оказывал щедрую поддержку его политическим инициативам в этой партии и давал ему другие задания»⁹⁵. «Гитлера, представителя рейхсвера, контрабандой протащили в DAP», – пишет Орцеховски и продолжает: «Члены тайного общества Туле помогли Гитлеру прийти к власти»⁹⁶.

Все это неопровержимо подтверждается письмами капитана Майра Вольфгангу Каппу, главе правого «капповского путча», произошедшего в 1920 году. (Кроме того, эти письма еще раз подтверждают, что Майр был лишь одним из звеньев широкой националистической сети

– между националистическими организациями, противостоящими социал-демократическому правительству, существовала координированная связь.) Здесь Майр пишет, что он встречается с Гитлером ежедневно вот уже в течение пятнадцати месяцев. И продолжает: «Мы создаем радикальную националистическую организацию. Национальная рабочая партия [DAP] должна стать фундаментом мощного штурмового отряда, который мы надеемся создать... С июля (1919 года) я пытаюсь усилить это движение... В этом участвует очень крепкая молодежь... Движущей силой стал Гитлер... Я полностью согласен с господином Гитлером в том, что так называемое правительство социал-демократов находится под еврейским контролем... Все вредные элементы, как источники заразы, должны быть вышвырнуты прочь или изолированы – это относится и к евреям...»⁹⁷

До сих пор широко распространено мнение о том, что первое посещение DAP Гитлером было случайностью. Как мы видим, это далеко не так. Это подтверждает и анализ некоторых утверждений Гитлера в его автобиографической книге, хотя он и пытается скрыть истину за дымовой завесой. Часто цитируют последние слова из седьмой главы, которая называется «Революция». Здесь он пишет: «Что до меня, то я решил стать политиком»⁹⁸. Считается, что это решение было принято в Пазевалке, в госпитале, под конец периода депрессии, овладевшей им при получении известий о том, что война проиграна, а Германия стала республикой. Эти утверждения не просто ложны, они абсурдны. В Пазевалке он был практически полностью отрезан от общественной жизни. Ему было двадцать девять. Германия проиграла войну, и теперь его армейское геройство ничего не значило. У него не было ни будущего, ни профессии, ни родных, ни друзей, которые могли бы помочь, – и абсолютно никаких денежных средств. Он и сам признает: «Я был беден, без средств, но это еще полбеды. Хуже было то, что я был потерян в толпе безымянных людей – тех миллионов, которые либо перебиваются кое-как по воле случая, либо умирают – и никто и усом не ведет, даже их ближайшие соседи. В дополнение к этому имела еще одна трудность – недостаток формального образования»⁹⁹. То, что произошло в Пазевалке в действительности, мы попытаемся выяснить позже.

Так или иначе, во внутреннем мире Гитлера произошло судьбоносное превращение, и в сентябре 1919 года он *действительно* входит в политику. Как ни странно, «к моменту вступления в DAP у него уже были очень конкретные представления о целях, которые он собирался преследовать»¹⁰⁰. «Этот смешной маленький кружок с горсткой членов [DAP], – пишет Гитлер, – обладал, по моему мнению, одним преимуществом: он еще не стал застывшей организацией, он оставлял человеку возможность реальной индивидуальной деятельности. Здесь еще можно было работать. Чем меньше политическое движение, тем легче придать ему необходимую форму. Здесь еще можно задать содержание, цель, пути. В больших устоявшихся партиях это совершенно невозможно»¹⁰¹. И он заявляет: «Я не собирался присоединяться к существующим партиям, я собирался основать свою собственную»¹⁰². Макс Аманн, сержант, товарищ Гитлера по армии, случайно встретился со своим капралом «где-то весной 1920 года». «Он был еще в военной форме, – вспоминает Аманн, – и на мой вопрос о том, что с ним стало, он ответил, что служит в рейхсвере по линии образования... Однако он не был удовлетворен этой работой. Он собирался заняться политикой и основать свою политическую партию»¹⁰³. (Те сведения, с которыми мы уже ознакомились, позволяют нам уточнить приведенную Аманном дату: эта встреча, по всей видимости, произошла ранней осенью 1919 года.)

Откуда Гитлер взял саму идею основать партию? Он, человек ниоткуда – в чем он прекрасно отдавал себе отчет? «Так называемая “интеллигенция” до сих пор с невероятным презрением смотрит на тех, кто не получил образования в определенных школах, где их могли бы накачать необходимыми знаниями. Вопросы о том, на что человек способен, не задают, спрашивают лишь: что он изучал? “Образованные” ставят любого идиота, облепленного дипломами, выше способнейшего молодого человека, у которого этих драгоценных документов

нет» («Майн Кампф»)¹⁰⁴. Это чувство социальной неполноценности глубоко въелось в Гитлера, и несмотря на свои авторитарные замашки, он всегда косо смотрел на «образованных людей».

Откуда он взял мысль, что «нужно провозглашать новую идеологию, а не новые предвыборные лозунги»? Как вышло, что он, попавший на собрания, где присутствовало максимум тридцать-сорок человек, «с самого начала мыслил в масштабах массовой партии»¹⁰⁵? Между строк «Майн Кампф» скрываются секреты, частички «тайны», над которой до сих пор бьются историки. Так почему же Гитлеру вопрос о вступлении в жалкую группу правых фанатиков и им сочувствующих казался «труднейшим вопросом жизни», – это ему-то, у которого до сих пор единственной насущной проблемой было как перебиться со дня на день? И разве вопрос о вступлении в политическую партию, затерянную во мраке второсортной пивной, может быть для кого-то «решением, которое принимаешь бесповоротно, раз и навсегда», как писал о себе Гитлер¹⁰⁶? Человека, который мог бы ответить на все эти вопросы, звали Дитрих Эккарт.

Дитрих Эккарт

Бригитта Хаман в своей капитальной работе «Гитлеровская Вена» (1998) называет Дитриха Эккарта «ближайшим другом и ментором» Гитлера¹⁰⁷. В этом она не одинока. Действительно, многие исследователи жизни Гитлера утверждают то же самое, используя практически те же самые слова. «Ментор» – смотрим в словаре – это «мудрый близкий советник и руководитель», «мудрый и заслуживающий доверия воспитатель или наставник».

Читая Иоахима Феста, об Эккарте можно получить несколько иное представление: «Неотесанная и комичная фигура, Эккарт, со своей большой округлой головой, с пристрастием к хорошему вину и грубым шуткам, не добился успеха, к которому стремился как поэт и драматург... В качестве компенсации он вошел в богемный кружок, который играл в политику»¹⁰⁸. Джон Толанд пишет в том же ключе: «Дитрих Эккарт – поэт, драматург, завсегда для кофеев для интеллектуалов – был высоким лысым дородным чудачком. Большую часть времени он проводил в кафе и пивных, уделяя равное внимание разговорам и выпивке»¹⁰⁹. Однако корреспондент *Frankfurter Zeitung* Конрад Хайден, бывший свидетелем и противником подъема НСДАП в Мюнхене, сообщает: «...Признанным духовным лидером небольшой группы [сплотившейся вокруг Гитлера] был Эккарт, журналист и поэт, на двадцать один год старше Гитлера... Он имел на него сильное влияние – быть может, самое сильное, которое кто-либо когда-либо на него оказывал»¹¹⁰.

В своем «Кризисе немецкой идеологии» Джордж Моссе соглашается с тем, что Дитрих Эккарт был «человеком, который оказывал на Адольфа Гитлера в первые послевоенные годы наибольшее влияние». По его мнению, «эта важная фигура фолькистского движения играла ключевую роль в окончательном формировании мировоззренческих установок Гитлера... Эти двое составляли одну команду, где Гитлер играл роль жадного до знаний и быстро схватывающего ученика». Затем Моссе справедливо добавляет: «Поэтому просто удивительно, что историки до сих пор не уделили должного внимания вкладу Эккарта в укрепление жизнеспособности национал-социализма»¹¹¹. Франсуа Дельпла выражает эту мысль еще резче: «Эккарт историков не интересовал»¹¹². В своей биографии Гитлера (1973) Фест посвящает Эккарту одну страницу, Толанд (1976) – полтора абзаца, Кершоу (1998) – также два абзаца, полагая, впрочем, что «роль Эккарта была решающей».

Это белое пятно в жизни Гитлера и истории нацизма удивляет еще больше, когда мы понимаем, что недостатка в документах нет. Объемное литературное и журналистское наследие Эккарта можно было бы изучить, стоило лишь поискать. Эрнст Нольте, один из веду-

щих немецких историков, обращал внимание исследователей на важность экартовского «Диалога», так называемого диалога с Гитлером, еще в 1969 году. Биография Экарта, написанная Маргарет Плевниа, была опубликована в 1970 году. Главным же источником, указывающим на важность Экарта в истории, был сам Адольф Гитлер. У него мы находим огромное количество ссылок, что особенно бросается в глаза, учитывая то, что Гитлер, как правило, заметал все следы, ведущие в его прошлое до выхода на политическую сцену, зачастую уничтожая и самих людей, связанных с этим прошлым. («Фюрер никогда не мог допустить, что идеи, которые он отстаивал, получены им от других»¹¹³.)

Гитлер оказал Экарту величайшую честь – его именем, как торжественным аккордом, заканчивается «Майн Кампф»: «Здесь, в конце второго тома⁸, я хочу еще раз воскресить в памяти наших соратников и борцов за наши идеалы, тех людей, которые совершенно осознано, как герои, пожертвовали своими жизнями ради всех нас... Рядом с этими именами я хотел бы поставить имя одного из лучших людей, человека, который посвятил всю жизнь пробуждению своего народа – нашего народа – как поэт, как мыслитель и, наконец, как боец. Его имя – *Дитрих Экарт*»¹¹⁴.

На поступившие от промышленников средства Гитлер приобретет особняк Барлов, расположенный на Бриннерштрассе в Мюнхене. Любимый архитектор Гитлера Пауль Троост (вскоре умерший) перестроит его, превратив в комплекс партийных учреждений – штаб-квартиру нацистской партии. В помещении, названном Залом Сената, были установлены два бюста: один – Отто фон Бисмарка, другой – Дитриха Экарта. Место в столовой, зарезервированное для фюрера, находилось под бюстом Экарта.

В своих монологах в штаб-квартире в Растенбурге на Восточном фронте Гитлер упоминает имя Дитриха Экарта, умершего за двадцать лет до этого, чаще, чем любое другое. Один из секретарей Гитлера сообщает, что у того слезы наворачивались на глаза всякий раз, когда он вспоминал этого человека, которого однажды назвал своим «отеческим другом». «Заслуги Экарта бессмертны», – говорил он, добавляя: «Какая трагедия, что Дитрих Экарт не дожил до того, чтобы увидеть этот подъем [Нацистской партии]»¹¹⁵. В этих монологах он вспоминает о том, как он открыл для себя – благодаря Экарту – Оберзальцберг и дом, расположенный неподалеку, ставший впоследствии его знаменитой виллой Бергхоф. Он вспоминает и другой эпизод, как однажды ночью он явился к Экарту без предупреждения и как тот открыл дверь, одетый в ночную рубашку, из-под которой были видны его волосатые ноги. «Сегодня мы находимся на новом этапе и поэтому не отдаем себе отчета в том, чем [Экарт] был тогда – он был путеводной звездой».

После пожара в здании рейхстага, когда немецкий парламент провел свое первое заседание в здании Кролл оперы, председатель Герман Геринг открыл сессию речью, посвященной памяти Дитриха Экарта. Памятник Экарту в его родном Ноймаркте был открыт лично фюрером. В Берлине был создан театр под открытым небом, названный в честь Экарта. Общества и дома Дитриха Экарта создавались повсюду. Его поэмы учили наизусть в школах, а студенты писали курсовые работы о его трудах. В газетах торжественно освещался его день рождения. Его пьесы, иногда по прямой просьбе фюрера, возрождались в театрах. Посмертно Экарт стал «фигурой, символизирующей молодую партию [НСДАП]»¹¹⁶.

Дитрих Экарт родился в Ноймаркте в 1866 году в семье королевского нотариуса¹¹⁷. Он изучал медицину, а также какое-то время, если верить Гитлеру, право – но ему так и не удалось завершить обучение по причине болезни. Слабое здоровье будет преследовать его всю жизнь и сделает его зависимым от обезболивающего средства – морфина. В 1899 году Экарт

⁸ «Майн Кампф» первоначально выходила в двух отдельных томах. Первый был написан в тюрьме в Ландсберге, второй – в Оберзальцберге после освобождения. Начиная с 1931 года эти два тома печатались под одной обложкой.

переехал в Берлин, где пытался реализовать свои литературные амбиции. Он стал вести богемную жизнь и превратился в завсегдатая литературных кружков и кофеен. Этот образ жизни, а также великодушные и нерасчетливые Экарта – переходящие порой в расточительность – привели к тому, что отцовское наследство утекло сквозь пальцы, и берлинский период его жизни стал «двенадцатью голодными годами». Именно тогда он написал большую часть своих пьес: «Отец семейства», «Малый не промах» и «Король лягушек». Их ставили, но они не пользовались заметным успехом. Он добывал средства к существованию, работая репортером, печатая очерки, литературные и поэтические. Кроме того, он писал стихи – поэтом-то он по существу и был.

Затем к Экарту пришел успех. Случилось так, что на одной из постановок его пьесы «Наследный граф» присутствовал сам император Вильгельм II. Пьеса так ему понравилась, что он явился и на следующий спектакль. В тот же период переработанная Экартом пьеса Ибсена «Пер Гюнт» добилась беспрецедентного успеха – она стала самой играемой пьесой «Хофбюна», Придворного театра, которому покровительствовал император. Через некоторое время император лично получил Экарту написать пьесу по случаю брака его дочери с герцогом Брауншвейгским. Премьера этой пьесы – «Генрих Гогенштауфен» – состоялась в 1915 году.

В 1915-м – второй год Великой войны – Экарт перебрался из Берлина в Мюнхен, где чувствовал себя уютнее. Он активно участвовал в политических кружках и ввязывался в журналистские свары с левыми газетами – в первые годы войны он стал ярким националистом и неистовым антисемитом. Причины, приведшие к такой зловещей перемене в его мировоззрении, неясны. Едва ли это можно объяснить реакцией на неприятие некоторых его пьес или на нападки критиков. Гораздо вероятнее, что причиной стали контакты с кружками и группами, подобными обществу Туле. Экарт упоминается в качестве «гостя» Туле в книге «Еще до Гитлера». Многие новые черты мышления Экарта согласуются с идеологией Туле, изложенной Зеботтендорфом в той же книге. Зеботтендорф и Экарт были знакомы, что подтверждают слова самого Зеботтендорфа в том месте, где он пишет о выходе в свет экартовского журнала «Простым немецким»: «Начало издания этого журнала привело к тому, что Экарт стал относиться к Зеботтендорфу с враждебностью [здесь Зеботтендорф пишет о себе в третьем лице]». Дело было в том, что последний не смог или не захотел предоставить Экарту необходимые финансовые средства¹¹⁸. Скрытой причиной трений могло быть и то, что оба обладали сильными характерами, и ни один не хотел уступить ни пяди другому.

Первый выпуск «Простым немецким» увидел свет 7 декабря 1918 года – не прошло и месяца после прекращения военных действий. Это был период недолгого президентства Курта Эйснера. В число первых покровителей нового журнала, который в принципе должен был выходить раз в две недели, но своей нерегулярностью отражал характер Экарта, вошли, что довольно примечательно, Вольфганг Капп и капитан Карл Майр. Майр тайно скупал большое количество экземпляров для раздачи военным. Экарт был известным человеком – об этом можно судить по списку сотрудников его журнала: в него входили многие выдающиеся националистические и антисемитские писатели. Об этом журнале с похвалой отзывался сам Теодор Фрич, основатель и высший Великий Магистр Ордена германского народа (*Germanenorden*). Главными темами этого боевого издания были следующие:

1. *Dolchstoßlegende* (легенда об ударе в спину): дело якобы в том, что причина поражения Германии – не фронтовые события. Ей вонзил нож в спину внутренний враг – иудейский большевизм;

2. Еврейский мировой заговор: евреи стремятся к мировому господству и в своих планах уделяют особое внимание Германии;

3. Демократия, социализм и коммунизм – это еврейские изобретения и козни; их цель – привести мир в состояние хаоса и разрушить германскую душу;

4. Германия должна стать сильной, сознательной и единой нацией. Отсюда следует, что традиционный баварский сепаратизм нужно осудить, а чувство национального единства – поддержать¹¹⁹.

Эти четыре темы впоследствии станут столпами гитлеровского мышления. (Впервые явившись на заседание DAP, Гитлер так горячо возражал именно по четвертому пункту.)

Трудно сказать, кто в действительности определял политический курс общества Туле, – вероятно, в значительной мере сам Зеботтендорф. И тем не менее поразительно, насколько цели общества гармонировали с целями такой независимой личности, как Эккарт. Обмен мнениями между влиятельнейшими членами Туле должен был происходить часто и интенсивно. Эккарт также живо ощущал необходимость обращения к рабочим. Он считал, что из социалистических интернационалистов их нужно превратить в националистически настроенных германцев. Иначе достичь основной цели – единства Народа (*Volk*) и единства государства – будет невозможно. Германский народ для него состоял не из *Volksgenossen* (соотечественников одной расы), но из *Bürger* (граждан), которые должны быть организованы иерархически, в соответствии с уровнем психологического совершенства каждого, – так будет создана общегерманская нация. С этой целью Эккарт основал Гражданскую ассоциацию, которая должна была объединить всех «рабочих умственного и физического труда». Но она оказалась мертворожденной. И все же Эккарт стремился принести хоть какую-то пользу участием в сопротивлении коммунистической Республике Советов, организованном обществом Туле, в результате чего он был схвачен красными. Его имя могло бы пополнить собой список мучеников Туле, однако он сумел вывернуться из этой рискованной и совершенно ненужной ситуации.

В ноябре 1918 года в Мюнхене появился Альфред Розенберг, немецкий прибалт, эмигрировавший из России. В поисках поддержки и, возможно, работы он постучался в дверь Эккарта. Розенберг описывает хозяина так: «Из-за стола, заваленного бумагами, поднялся высокий человек с бритой головой. Его лоб был изборожден глубокими морщинами. Через очки в роговой оправе на меня смотрели синие глаза. Слегка изогнутый нос был довольно короток и мясист. У него были толстые губы и широкий, можно сказать, агрессивный, подбородок»¹²⁰. Эккарт взял Розенберга под крыло – он помог ему усовершенствовать знание немецкого языка и сделал его сотрудником своего журнала. Взамен он получил фанатичного антисемита, который впоследствии станет главным распространителем «Протоколов сионских мудрецов» – фальшивки, принесшей столько зла.

Этот краткий биографический очерк Дитриха Эккарта был бы неполон без упоминания о другой стороне его личности – обращенной к философскому, оккультному и духовному знанию. Как и Гитлер, он был почитателем Артура Шопенгауэра (1788—1860). (Гитлер говорил, что во время войны всегда носил в ранце пять томиков его сочинений.) Мысль этого философа представляет собой одну длинную, правда, хорошо написанную, скорбную жалобу на страдания этого мира. Мир держит и вечно побуждает к действию Желание – Шопенгауэр называет это Волей. Шопенгауэр делал особый акцент на жизненной силе, противопоставляя ее разуму – и по этой причине стал одним из вдохновителей фолькистского движения. Этот философ одним из первых на Западе открыл буддизм и познакомился с его техниками отрицания бытия, которые ведут к спасению из этого абсурдного мира, слепо движимого желанием и подчиненного Майе.

Более того, Эккарт был почитателем поэта-мистика Ангелуса Силезиуса (1624—1677), которого он мог цитировать наизусть целыми абзацами. Эккарт считал, что смысл жизни в том, чтобы «пробудить божественное в человеке», и что благородство дается не рождением, а духом. В своем иерархическом взгляде на человечество он был убежденным антиматериалистом и противостоял, таким образом, идеалам Просвещения, модернизма, индустриализма и прогресса. (В заглавии книги Плевниа он назван «фолькистским публицистом».) Чем духовнее человек, чем больше частица божественного в нем, тем более высокую ступень он занимает в

человеческой иерархии. Эккарт, подобно другим мыслителям того времени, пришел к мысли о высшем, внутренне преобразованном человеке – «сверхчеловеке», о неких избранных существах, детях Света, которые восстанут против всех форм материализма. Если немцы осознают свои высшие душевные качества, они смогут стать такими же сверхлюдьми. Их задача – сражаться со все крепнущим материализмом и возвращать свою высшую арийскую душу. Немецкий народ – это будущий спаситель мира.

И если арийские германцы находились на самой вершине иерархической лестницы человечества, то евреи стояли в самом низу. «Евреи не имеют никакого представления о чувстве вечности, у них нет стремления к бессмертию. Из этого следует, что у еврея нет души. Таким образом, еврей составляет полную противоположность германцу, который всегда борется за что-то высшее. Германец и еврей противостоят друг другу, как свет и тьма»¹²¹. Евреи материалистичны, интеллектуальны, привязаны к миру, эгоистичны, они – дети тьмы; арийцы же (читай: германцы) благородны, чисты, идеалистичны, стремятся к свету, свободны от мирских привязанностей и достойны править этим миром.

Эти мысли были свойственны германским националистам и фолькистам, опиравшимся на идеи Лютера, Вагнера, Хьюстона Чемберлена и Теодора Фрича, – если ограничиться четырьмя самыми влиятельными мыслителями этого толка. Куда оригинальнее выглядит эккартовский «дуализм», его убеждение в том, что идеализм и материализм, свет и тьма, арийское и еврейское начало имеются в человечестве изначально и, таким образом, присутствуют в каждом индивидууме. В вечной борьбе добра и зла за господство над миром германцы стоят в первых рядах. Эта битва должна вестись не только внешне, в открытых столкновениях представителей противоположных лагерей, но, прежде всего, внутри каждого индивидуума. Лишь победа арийского начала над еврейским *в душе самого германца* может привести его к господству над миром. Евреи «свойственны «организму человечества» примерно так же, как некоторые бактерии, которые являются естественными составляющими человеческого тела... Мы вынуждены терпеть присутствие евреев в нашей среде, это необходимое зло. Кто знает, сколько тысячелетий это еще продлится»¹²². До некоторой степени Гитлер воспримет эти идеи Эккарта и будет говорить об «антисемитизме разума», противопоставляя его импульсивному антисемитизму погрома. Но все же эсхатологическое мировоззрение Гитлера будет базироваться на более грубой расистской основе, дарвинистской.

Все это позволяет увидеть Эккарта в ином свете – не таким, каким его обычно изображают, простым героем-завсегдатаем баварских пивных. В нем было, конечно, и это. Но эта сторона его личности совершенно не достаточна для объяснения его влияния на Гитлера и его роли в создании нацистского движения. Неотесанный, порывистый и комичный любитель пива не смог бы организовать широкую сеть, состоящую из выдающихся людей по всей Германии, к которым он мог обратиться в любой момент. И такой культурный и много повидавший человек, как Эрнст Ганфштенгль, не смог бы написать: «[Эккарт] был образованным человеком, поэтом. Его перевод пьесы “Пер Гюнт” до сих пор остается образцовым... В партии именно он первым взял Гитлера под крыло... Эккарт всегда был одним из моих любимцев – этакий медведь с искрящимися глазами и великолепным чувством юмора»¹²³.

Эккарт сделал свой экзистенциальный выбор. Он состоял в том, чтобы попытаться осуществить отрицание мира *в самом мире*. Мы еще немного последуем за ним в этом направлении.

4. Волк

*Самое лучшее – это ликвидировать всех пессимистов.
Адольф Гитлер*

Источники знаний

До сих пор средства массовой информации часто представляют Гитлера сумасшедшим, одержимым несколькими навязчивыми идеями. В том, что он был одержимым, есть определенная правда, но сумасшедшим он не был. «Гитлер не был душевно больным, – пишет Джон Лукач, – он нес ответственность за то, что делал, говорил и думал. . . Он был наделен значительными интеллектуальными способностями»¹²⁴. К примеру, он обладал поразительной памятью, которая была главным инструментом контроля на всех ступенях его политической карьеры и которую он использовал для того, чтобы ошеломлять собеседников. Также он обладал даром упрощать и сводить к простейшим элементам самые запутанные вопросы и темы. По словам Феста: «Гитлер обладал умением передавать абстрактный характер политических и социальных отношений в простых образах»¹²⁵.

Некоторые его биографы представляют дело так, что складывается впечатление, будто в венский период жизни он изучал некоторых влиятельных философов, – впечатление, подкрепленное самим Гитлером, тут и там упоминавшим их имена в своих речах и сочинениях. Тем не менее, достаточно трудно поверить в то, что двадцатилетний самоучка, не получивший систематического образования, мог разобраться в хитросплетениях мысли таких философов, как Ницше, Маркс и Шопенгауэр. Гитлер, без сомнения, был способен выдавать эффектные цитаты, приводить отрывки из трудов этих мыслителей в подтверждение своих собственных убеждений. Но для этого вовсе не требуется глубокое проникновение в мысль философа. «Нужно отдавать себе отчет, что познания молодого Гитлера никоим образом не основывались на первоисточниках. Иными словами, свои знания он получал не непосредственно от Дарвина, Чемберлена, Дюринга, Лебона, Ницше, Шопенгауэра или Шиллера. Прежде всего, он черпал их из газетных статей, брошюр и популярных книг» (Бригитта Хаман¹²⁶). «На самом деле, знания ничего не значили для Гитлера. Ему были неведомы радость и борьба, идущие рука об руку с их обретением, – знания были просто полезны ему. “Искусство правильного чтения”, о котором он говорил, было всего лишь охотой за формулировками, которые можно позаимствовать, за авторитетами, которых можно процитировать в поддержку своих собственных готовых мнений. . .» (Иоахим Фест¹²⁷). «Идеи как абстракции не представляли для Гитлера никакого интереса. Они были важны для него лишь как средство для достижения цели» (Ян Кершоу¹²⁸).

«Книги, вечные книги! Я не могу представить себе Адольфа Гитлера без книг. Это был его мир»¹²⁹, – пишет Август Кубицек. Он близко знал Гитлера по Линцу и по Вене – их знакомство прервалось в 1909 году, когда Гитлер во второй раз провалил вступительные экзамены в Академию изящных искусств и окончательно растворился в безликой толпе, наводнявшей метрополию. Гитлер читал книги о том, что его больше всего интересовало: о Рихарде Вагнере, о театре, о технических аспектах сценического искусства, об архитектуре, о военной технике и о войне, о немецкой истории и о политической подоплеке событий, происходивших на его глазах в Вене. Другим, не менее важным источником, питавшим его ум, были газеты. Газеты и сейчас являются характерной чертой венских кафе. В кафе всегда тепло, и Гитлер, сидя за чашечкой кофе, мог читать часами. «Источником его знаний главным образом были газеты», – пишет Хаман. Гитлер и сам упоминает о том, что «в молодости был увлечен чте-

нием газет». «Ранние биографы Гитлера стремились ограничить набор предполагаемых источников его вдохновения авторами, престижными с интеллектуальной точки зрения. Главным образом, это были писавшие о расовом превосходстве и антисемитизме Гобино, Ницше, Вагнер и Чемберлен. Однако нет никаких свидетельств того, что Гитлер читал их труды в подлиннике. Гораздо более вероятно, что идеи, которые он использовал для оправдания своего дуалистического мировоззрения и комплекса германского превосходства, были почерпнуты им из дешевых памфлетов, которыми была наводнена Вена той поры»¹³⁰.

Андре Франсуа-Понсе, французский посол в Берлине, хорошо знал Гитлера и был единственным зарубежным дипломатом, заслужившим его уважение. В своих воспоминаниях он пишет: «Гитлер – самоучка, любознательность которого ограничивается предметами, привлекающими внимание публики, внимание рядового человека... Вот в чем его талант: он усваивает то, что способен усвоить ум среднего человека, а затем связывает между собой разрозненные элементы с помощью мнимых логических связей. И он способен излагать все это просто и живо в форме, доступной для примитивного ума»¹³¹. «[Гитлер] читал не ради обретения знаний, не для самопросвещения, но для того, чтобы найти подтверждение своим собственным идеям»¹³², – пишет Кершоу, вторя замечанию Кубицека: «Он находил в книгах лишь то, что ему подходило»¹³³. «Дилетантство было одной из основных черт характера Гитлера, – вспоминает архитектор Альберт Шпеер. – Он так и не получил никакого профессионального образования и в итоге навсегда остался дилетантом в любой профессии. Как многие самоучки, он не имел никакого представления о том, что значат специальные знания»¹³⁴. В другой связи Шпеер пишет следующее: «Мы все знали: он твердо верил в то, что в книге стоит читать лишь конец, ведь именно там должно содержаться все самое важное»¹³⁵.

Вышеприведенные высказывания подтверждаются отрывком из «Майн Кампф», где Гитлер объясняет, как нужно читать. «Я знаю людей, читающих непрерывно, книгу за книгой, страницу за страницей, и тем не менее, я не могу назвать их хорошо начитанными. Без сомнения, они “знают” огромное количество вещей, однако их мозг не способен согласовать и классифицировать материал, набранный ими из книг. У них отсутствует способность различения между полезным и бесполезным в тех книгах, которые они читают... Ведь чтение – не самоцель, это средство для достижения цели. Главная же цель в том, чтобы наполнить содержанием структуру, состоящую из талантов и способностей, которыми владеет каждый человек. Таким образом каждый добывает орудия и материалы, необходимые ему для реализации своего жизненного призвания...»¹³⁶

Ум Гитлера, однако, обладал и другим свойством – некой интуицией, которая наделяла его крайней восприимчивостью, способностью мгновенно отзываться на поведение или аргументы людей и на ситуации, с которыми он сталкивался. При этом он использовал все известные ему факты, заряжая их силой убеждения. Вальтер Шелленберг, генерал СС, работавший с Гитлером, пишет: «Он обладал выдающимися полемическими способностями, что позволяло ему одерживать верх в любой области даже над авторитетнейшими экспертами... Он так сбивал их с толку, что подходящие контраргументы приходили им в голову уже на лестнице»¹³⁷. Немногие собеседники Гитлера могли в его присутствии сохранять контроль над своим умом. В подавляющем большинстве случаев с Гитлером расставались переубежденными или, как минимум, глубоко впечатленными.

Стойкие воспоминания

Когда капитан Майр направил тридцатилетнего Гитлера на курсы в Мюнхенском университете, его ум не был свободен от ранних влияний. При этом на его долю выпало много

серьезных испытаний – куда более серьезных, чем достается среднему человеку. Особенно если вспомнить его жизнь в бурлящей, перенаселенной, разлагающейся Вене и бесконечный ад, через который он прошел в окопах.

Адольф ненавидел своего деспотичного отца. Но все же тот был таможенным инспектором и, следовательно, официальным лицом, носящим мундир (в тогдашнем обществе это имело большой вес). Отец мог передать ему свою фанатичную приверженность ко всему немецкому. Впрочем, этот таможенный инспектор всегда был верен своему высшему начальству – австрийскому императору. «Расовая ненависть играла доминирующую роль в политике габсбургской империи. И Гитлер, и Адольф Эйхман провели там годы становления. С 1882 по 1914 год различные этнические группы, боровшиеся за власть в многонациональном Австрийском государстве, постоянно организовывали демонстрации и мятежи. Уже к 1848 году католический антисемитизм цвел среди австро-германцев пышным цветом... В 1911 году – последние выборы перед 1914-м – две трети австро-германцев голосовали за антисемитов. Неудивительно, что процент участия австро-германцев в холокосте был выше, чем для немцев в целом» (Джон Вайсс¹³⁸).

Страницы «Майн Кампф», на которых упоминаются имена Георга фон Шёнерера и Карла Люгера, свидетельствуют о том влиянии, которое оба оказали на Гитлера. Карл Люгер (1844—1910), мэр Вены, поразил его своим ораторским мастерством и властью над массами – талантами, которые соответствовали пока еще скрытым способностям Гитлера. Люгер был не просто мэром, он был «властелином Вены» – некоронованным королем, обладавшим такой властью, что порой не уступал в столкновениях с самим императором Францем Иосифом. Однако Гитлера привлекал не столько Люгер-политик и его партия – христианские социалисты, к 1895 году наиболее влиятельная антисемитская партия в Европе, – сколько его яркая личность, образец того, чем мечтал стать молодой Гитлер.

Более определенным было влияние Георга фон Шёнерера (1842—1921), провозгласившего себя вождем австрийских пангерманцев и боровшегося за объединение своей страны с Германией. «Шёнерер не защищал ни католицизм, ни империю. Он был лидером австрийского пангерманского движения, а также однозначным и недвусмысленным расистом. Он выступал в поддержку *аниллюса* (воссоединения Австрии и Германии) и был смертельным врагом как славян, так и евреев. Он мог задать Гитлеру идеологическую модель поведения»¹³⁹. Однако Гитлер никогда бы не совершил ошибки, которую сделал Шёнерер: в антисемитской, но преимущественно католической Австрии он объявил открытую войну католической церкви. Шёнереровское движение «Прочь от Рима» стоило ему столько сторонников, что в результате он лишился власти.

Молодой бродяга – а в его венские годы статус Адольфа Гитлера был именно таков – никогда не смог бы встретиться с богатым и уважаемым пангерманским фюрером. Но «молодой Гитлер безусловно был знаком с культом этого идола пангерманцев, в особенности через их партийные газеты»¹⁴⁰. Кроме того, речи Шёнерера распространялись в виде брошюр. Террор по отношению к евреям и чехам, который пангерманцы развернули на улицах Вены, стал обыденностью. Шёнерер был «богом германских лавочников, ремесленников и служащих. Его фотографии висели на стенах бесчисленных лавок и магазинов, его газету можно было прочитать в любом кабаке. Шла бойкая торговля цепочками для часов с изображениями повешенных евреев... Программа его партии звучит до боли знакомо: евреи не должны иметь права преподавать в школах, служить в армии и работать на государственной службе; нужно ввести квоты на число евреев среди юристов и медиков... Для защиты ремесленников и крестьян евреям нужно запретить въезд в Империю. Тех же, кто уже находится на ее территории, нужно рассматривать как чужеземцев с особым правовым статусом и налоговым бременем»¹⁴¹. «Оче-

видно, что Гитлер не просто унаследовал от Шёнерера его политические принципы – он практически скопировал их», – пишет Хаман¹⁴².

Кроме того, значительное влияние на ум Гитлера – задолго до того, как тот узнал о Шёнерере и Люгере – оказал Леопольд Пётч, учитель истории в линцевском реальном училище, которое юный Адольф покинул, не закончив. Этот человек произвел на Гитлера – своенравного и непослушного по отношению ко всем прочим учителям – такое впечатление, что позже тот посвятит ему не менее двух с половиной страниц «Майн Кампф». «Изучать историю – значит искать и находить силы, являющиеся действительными причинами явно видимых результатов, которые мы называем историческими событиями... И то, что мой учитель истории очень хорошо знал, как сделать этот подход основным в процессе изложения материала и проверки знаний, возможно, определило всю мою будущую жизнь. Этим учителем был доктор Леопольд Пётч из реального училища в Линце. Он идеально воплощал в себе качества, необходимые для учителя истории, в упомянутом выше смысле. Пожилой господин с твердым характером, но добрым сердцем, он был прекрасным рассказчиком и заражал нас своим энтузиазмом»¹⁴³.

Придя к власти, Гитлер оказывал Пётчу многочисленные почести. «Вы не представляете, чем я обязан этому человеку», – сказал он своему окружению после неофициальной встречи со своим старым учителем в Клагенфурте в 1938 году¹⁴⁴. Пётч привил Гитлеру любовь к Вагнеру. Другим результатом его влияния стало увлечение Гитлера германскими мифами и легендами. В ту пору их нередко считали достоверными историческими источниками. «Многотомное издание “Саг о германских героях” было его любимым чтением. Эти книги он никогда никому не одалживал», – вспоминает Кубицек. «Вновь и вновь он отождествлялся с великими людьми этой ушедшей эпохи... Дело в том, что мир, двери в который открывали саги о германских героях, так и остался для него единственным, к которому он мог относиться с истинным благоговением и почитанием»¹⁴⁵.

Все эти влияния хранились в памяти Гитлера, когда капитан Майр «открыл» его и ввел в ДАР. Что же касается процесса развития его пангерманских, националистических и антисемитских убеждений, то он оказывается не столь прямолинейным, как это желала бы представить Бригитта Хаман. Если мы согласимся с Хаман в том, что структура убеждений Гитлера уже была четко и ясно сформирована им в ранние годы, становится совершенно непонятно, каким образом в числе его товарищей по мужскому общежитию могли быть евреи – что обнаружила сама Хаман. Она также пишет: «На решающий вопрос о том, когда антисемитизм стал центральным пунктом мировоззрения Гитлера, период его жизни в Линце и в Вене ответа не дает»¹⁴⁶.

Ораторские вспышки Гитлера, будь то в общежитии или во фронтовых блиндажах, не были направлены против евреев. Обычно его специально провоцировали язвительными замечаниями, задевавшими Германию или оскорблявшими его пангерманские чувства. Некоторые офицеры его полка были евреями. Евреем был капитан, представивший его к Железному кресту первой степени. Также не нужно забывать того факта, что во времена Эйснера и Республики Советов капрал Гитлер носил красную повязку.

В период своего обучения на курсах и во время пропагандистской практики он должен был оживить и переформулировать все то, что получил от Шёнерера и Люгера, а также от Листа и Ланца фон Либенфельса. И здесь все свидетельства указывают на одного человека, начитанного, хорошо осведомленного, фанатичного антисемита с большими связями – на Дитриха Эккарта.

Перед тем, как перейти к следующему этапу нашего повествования, не лишним будет упомянуть последний и довольно неожиданный источник влияния на ум Гитлера. Это немецкий автор Карл Май, плодовитый писатель, создавший около семидесяти приключенческих романов для молодежи. Ади (уменьшительное от Адольф) также любил «Дон Кихота», «Робин-

зона Крузо», «Путешествия Гулливера», «Хижину Дяди Тома» и «Тысячу и одну ночь». Но Май останется его любимейшим автором даже в зрелом возрасте. «Любовь Гитлера к Маю не слабела со временем. Говорят, что, даже будучи рейхсканцлером, он находил время, чтобы перечитывать полное собрание его сочинений. В 1943 году, несмотря на дефицит бумаги, он приказал напечатать 300 тысяч копий «Виннету» для солдат. И это вопреки очевидному факту, что герои Мая принадлежали к чуждой расе – они были «краснокожими», американскими индейцами»¹⁴⁷. «Он легко мог упомянуть в одном предложении Старину Шаттерхенда и Наполеона», – пишет Шпеер¹⁴⁸.

Карл Май принадлежал к христианскому крылу германского фолькистского движения. В марте 1912 года, незадолго до своей смерти, он прочитал в Вене лекцию, которую Гитлер – если он о ней знал – безусловно, посетил. Темой лекции Мая было *Empor ins Reich der Edelmenschen*¹⁴⁹, что можно перевести как «Ввысь, к царству благородных людей». Слово *Edelmensch* часто использовали для обозначения арийско-нордического германца в его самом чистом проявлении – что было одной из разновидностей «сверхчеловека», прихода которого ожидали на рубеже веков. Какая бы идеология ни лежала в основе книг Карла Мая, его фантазии зачаровывали бесчисленное множество детей – и не только в Германии. Его сочинения – в особенности те места, где он описывает, как ловко Виннету и Старина Шаттерхенд выходили из опасных ситуаций, – могли помочь Гитлеру выжить во время Первой мировой войны: в сражениях жизнь связного постоянно висела на волоске.

Внезапный взрыв энергии

После краха Республики Советов, особенно во времена правого правительства Густава фон Кара, Бавария стала «убежищем правых экстремистов со всей Германии, включая и тех, на кого уже был выписан ордер на арест в других частях страны»¹⁵⁰. Здесь нашли приют и «*Bund Oberland* (Лига Оберланд), и офицерский союз *Eiserne Hand* (Железная рука), и организация “Эсхерих”, и Союз обороны и нападения немецкого народа, и *Verband Altreichsflagge* (Союз флага старой империи), а также Байрейтский, Вицбургский и Вольфский добровольческие корпуса». В этот список можно включить также общество Туле и (НС) ДАП.

В ряды баварских правых влились потерпевшие поражение участники путча Каппа (март 1920 года), бежавшие из Берлина; среди них – формальный глава путча Вольфганг Капп собственной персоной и национальный герой Германии Эрих фон Людендорф. Там были и некоторые крайне опасные элементы из бригады Эрхардта, включая ее командира капитана Эрхардта и его правую руку – лейтенанта Клинциша. Один был основателем, другой – одним из руководителей кровавой организации «Консул». Там были «палачи, сами выносившие приговоры своим жертвам, авантюристы и революционеры-националисты всех мастей... Они были готовы использовать традиционные сепаратистские настроения баварцев [католиков] – ведь их неприязнь к протестантскому прусскому Берлину началась не вчера»¹⁵¹ (она продолжается и по сей день). Именно в такой обстановке – еще больше ее запутывала общая утрата ориентиров и удручающие условия жизни в послевоенной Германии – Дитрих Эккарт встретился с капралом Гитлером.

Антон Дрекслер, основавший ДАР совместно с Карлом Харрером, «познакомился с фолькистом-националистом и яростным антисемитом [Эккартом] ... в начале лета 1919 года». Сам Эккарт вспоминал позднее: «В начале 1919 года меня навестил Антон Дрекслер, который незадолго до того основал Национал-социалистическую рабочую партию Германии. [В действительности она еще называлась тогда Германской рабочей партией.] Он познакомил меня с ее основными идеями. Все это меня очень заинтересовало, и я принял решение помогать

молодому движению по мере своих сил и возможностей. Несколькими неделями или месяцами позже я впервые встретился с Гитлером»¹⁵².

Мы знаем, что Вильгельм Гутберлет должен был доложить Эккарту о поведении Гитлера на собрании DAP 12 сентября – где сам Эккарт не мог присутствовать по болезни, – очевидно, что первая встреча Эккарта и Гитлера произошла до этой даты, быть может, несколькими неделями ранее. Мы помним, что капитан Майр заинтересовался капралом Гитлером из полка Листа в конце мая или в самом начале июня, до начала курсов ораторского мастерства для армейских пропагандистов. Майр знал Эккарта, он покупал у него экземпляры «Простым немецким» для распространения среди военных. Можно предположить, что именно Майр представил Гитлера Эккарту в июне, самое позднее – в июле, и что оба сошлись на том, что этот австрийский капрал с Железным крестом и хорошо подвешенным языком может стать ценным приобретением для дышащего на ладан отпрыска общества Туле – DAP.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.